

**МИГРАЦИЯ ӨЗГЕРМЕЛІ ЕУАЗІЯЛЫҚ
СӘЙКЕСТІЛІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ
ӘДІСІ РЕТІНДЕ: ӘЛЕУМЕТТІК ЖӘНЕ
ҚҰҚЫҚТЫҚ ӨЛШЕМДЕР**

**Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияның
материалдары**

Астана, 4 қараша 2014 ж.

**МИГРАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕНЯЮЩЕЙСЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНОЕ
И ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

**Материалы международной научно-практической
конференции**

Астана, 4 ноября 2014 г.

Астана 2015

УДК 325.1 (063)
ББК 60.54
М 57

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан*

Редакционная коллегия:

Карин Е.Т., Линке П., Фарни Т., Фоменко В.А.,
Исаев К.Д. (составитель),
Арзикулов А.А. (ответственный за выпуск)

М 57 Миграция как способ формирования меняющейся евразийской идентичности: социальное и правовое измерения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Астана, 4 ноября 2014 г.) / Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2015. — 132 с.

ISBN 978-601-7476-08-3

Международная научно-практическая конференция «Миграция как способ формирования меняющейся евразийской идентичности: социальное и правовое измерения» (г. Астана, 4 ноября 2014 г.) была организована Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан и Филиалом Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Москве.

В сборник материалов включены доклады казахстанских и зарубежных участников конференции, посвященные новым тенденциям и проблемам в современных миграционных процессах на евразийском пространстве.

Издание предназначено для политологов, социологов, специалистов-международников, государственных служащих, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

**Издание не предназначено для продажи
и распространяется бесплатно**

УДК 325.1 (063)
ББК 60.54

ISBN 978-601-7476-08-3

© КИСИ при Президенте РК, 2015
© Филиал Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Москве, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ

Тина Фарни Пионеры мира без границ — мигранты как строители утопий	5
Черных И.А. Евразийская миграция как фактор социетальной безопасности	12
Петер Линке «Ведь мы как стволы деревьев в снегу...» Мульти-культы в Германии — попытка некролога	18
Ахмедьянова Д.К. Концептуальные подходы к научному осмыслению евразийской миграции как явления	22

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Каримов Р.И. Профсоюз трудящихся-мигрантов как инструмент самозащиты прав трудовых мигрантов	29
Садовская Е.Ю. Политика «мягкой силы» Китая в Казахстане, образовательная миграция и академическая мобильность: политические, социальные и культурные аспекты	33

Мурзакулова А.Д.	
Между выгодами и потерями: социальные эффекты трудовой миграции в Кыргызстане	53
Олимова С.К.	
Дiasпора, миграция и транснационализм: жизнь между Таджикистаном и Россией	62
Юлдашева Г.И.	
Миграция и социально-культурная идентичность: пример центральноазиатской трудовой миграции в России	70
Кушкумбаева А.Ж.	
Вопросы социальной безопасности в политических диспутах в Кыргызстане	85

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Саинов С.С.	
Миграционная ситуация в Республике Казахстан	95
Московский Ю.В.	
Влияние миграции в Москву на изменения российского законодательства	100
Саурин С.А.	
Трудовые мигранты в России: правовое регулирование и практика	118
Сведения об авторах	124
ҚСЗИ туралы ақпарат	126
Информация о КИСИ	128
Роза Люксембург Қорының Мәскеу қаласындағы бөлімшесі туралы ақпарат	130
Информация о Филиале Фонда Розы Люксембург в Москве	131

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОЙ
МИГРАЦИИ

Пионеры мира без границ
— мигранты как строители утопий

Тина Фарни

Миграция в общем и трудовая миграция в частности чаще всего рассматриваются как отрицательное явление. Однозначно негативный взгляд на столь важный на мировом уровне феномен обнажает, с одной стороны, мировоззренческие позиции, лежащие в основе такого рассуждения, с другой — разоблачает неготовность политических систем к решению современных проблем. Нынешняя норма государственного существования — национальное государство — и мышление в линейных категориях являются модусами модернистского, чуть ли не домодернистского понимания мирового порядка и существования человека в нем. Параметры аристотелевской драмы — единство места, времени и действия, — кажется, и сегодня считаются идеальными базовыми параметрами жизни людей.

Но реальность давно перегнала классические идеалы. Сама сеть Интернет обеспечивает доступ к любой информации, к любому мнению, в любом месте и в любое время. Развитие информационных технологий привело к круглосуточной доступности людей, неумение распоряжаться которой может вести к серьезным психосоматическим последствиям. Поиск и доступность источников информации в наше время не являются главным вопросом для формиро-

вания знаний и мнений — теперь значимы ее организация и оценка.

Большинство пользователей приняли новые дистанционные социальные и информационные навыки, не сильно задумываясь. Однако модернистский субъект, ориентирующийся на существование какой-то одной «правильной» истины, в таком мире уже не кто иной, как житель платоновской пещеры. Субъекты, которые и в неvirtуальном бытии являются носителями потенциала реализовать перспективу стирания границ — это мигранты. Впрочем, мало кто готов сегодня рассматривать их через эту призму.

Не хватает положительного структурного подхода к феномену миграции — в большинстве умов, так мне кажется, продолжает царствовать взгляд на мигрантов как временное нарушение системы. Эту ошибку еще в 1965 г. описал писатель Макс Фриш, намекая на ситуацию итальянских гастарбайтеров в Швейцарии: «Звали рабочую силу, а явились люди».

Совершенно по-разному рассматриваются такие категории, как так называемые экспаты, работающие в международных организациях или транснациональных корпорациях, трудовые мигранты или беженцы. Работники IT-сектора из России в Великобритании, трудовые мигранты из Центральной Азии в Москве, работницы в секторе здравоохранения и социальных услуг из Восточной Европы в южных городах Германии, сиделки из российских регионов в миллионных городах, беженцы из бывшей Югославии, 20 лет живущие в Берлине, там же живущая в прекрасных (неустойчивых) условиях богемная молодежь из Испании — этот список можно продолжать бесконечно. Ко всем этим, внутри себя далеко не гомогенным, группам формируется совершенно разное отношение. Но их продолжает объединять то, что они, как правило, покинули одну социокультурную, часто и языковую, среду и переехали в другую. Но если в сфере образования и

просвещения знание разных языков, культур и образцов поведения считается однозначно положительным, то в контексте миграции, тем более трудовой, такая оценка отсутствует, — по крайней мере, в общественном дискурсе не видно, что такой потенциал имеется в виду.

Поясню свои намерения: я не собираюсь утверждать, что миграция — это не плохо, а, наоборот, хорошо. Хочу лишь привлечь внимание к разным ракурсам рассмотрения этого явления.

Нынешние многонациональные государства, как маленькая Швейцария, но в еще большей мере государства распавшиеся, как Югославия и Советский Союз, свидетельствуют о том, что гражданство можно основывать на наднациональных идеях. В этом смысле без особой рефлексии пропагандировавшийся Западом идеал национальных государств является регрессом в сравнении с тем, что в мире уже существовало. Между тем глобально признанные принцип капитализма и примат экономического мышления привели к глобализации рынков и к своеобразной «уравниловке» в экономической сфере. В течение последних 25 лет в странах бывшего Варшавского договора этот процесс происходит с особенно головокружительной скоростью. В экономике, в сфере потребления и услуг национальное не то что не защищается, а вытесняется могущественными транснациональными корпорациями. Во всех городах так называемого развитого и развивающегося мира можно найти одни и те же сети ресторанов, магазинов, модных бутиков. Продукты из далеких стран стоят дешевле, чем региональные продукты, а массовая потребительская продукция давно поглотила местный промысел. Типичные для региона и его культуры заведения любого типа уже тяжело найти, а на место региональных независимых производителей пришли централизованные международные сети.

Удивительно, что в этом никто не видит угрозу. Эти международные сети в действительности не являются формируемыми на протяжении своего существования организациями. Они приходят со своими неизменными внутренними правилами, которые готовы изменить лишь при одном условии — если такое изменение обещает рост прибыли.

Можно сказать, что пионером мира без границ на самом деле является капитал. Но он не несет с собой никакого просвещения, ему не присуща никакая позитивная общечеловеческая динамика, его единственным драйвером является увеличение прибыли для немногих, в руках которых сконцентрирована власть. Сил для борьбы с отчуждением в условиях господства капитала, превращающего весь мир в источник прибыли, как обычно, не хватает. Чувство потери понимания и контроля сублимируется поиском защиты на основе нематериальных ценностей с тем, чтобы потом эти ценности сохранять и защищать от другого.

А мигранты — это как раз человеческий капитал, но существенно отличающийся от финансового капитала тем, что люди способны к многовекторному мышлению. Они приспособляются к новым условиям. Но такие процессы могут происходить только при условии, если на общественном уровне признается, что культура не является и никогда не являлась неподвижной, а постоянно находится в динамике. Дело не в том, чтобы ставить вопрос ребром: типа «у нас так, а у вас так, выбирай одно». Необходимо сочинять из разных образцов что-то новое. Идентичность — это не состояние, а процесс, или словами социолога Валерия Федорова: «Идентичность не создается раз и навсегда, она может меняться — и меняется в процессе социальных трансформаций и взаимодействий. Таким образом, сегодняшняя идентичность отличается от вчерашней, а завтрашняя — будет иной, чем сегодняшняя. Трансформация идентичности — это нормально, не-

нормально — это когда идентичность застывает, не реагируя на вызовы времени. Одна идентичность может совмещаться с другой или с другими. Скажем, выезжая за пределы своего города, на дачу, житель Казани становится “горожанином”, отправляясь в отдаленный район Татарстана — он “казанец”, приезжая в Москву — он “татарин”, в Берлине — он “русский”, а в Африке — “белый”» [1].

Понять, что идентичность настолько относительна, может, наверное, только человек, побывавший вне своего обычного круга общения. Для любого мигранта — это постоянный «modus vivendi». Проблемы, связанные с этим, я уверена, сегодня будут обсуждать многие докладчики.

Миграцию уже никто не отменит. Капиталистическое устройство сегодняшнего мира обуславливает поиски экономического благополучия. Отсюда глобальные потоки трудовой миграции. С другой стороны, такое устройство создает условия для эксплуатации, а также консервирует выживание на уровне прожиточного минимума, что, впрочем, все равно лучше, чем отсутствие работы на родине. Отвечает за эти условия, конечно, не только абстрактный капиталистический строй, но и различные государственные механизмы ограничения доступа к рынку труда, к системам образования, здравоохранения и соцзащиты. В таких условиях, понятно, мало кому до утопий.

Но мигранты, тем не менее, преодолевают границы: национальные, культурные и языковые. Чтобы это не воспринималось как лишение или утрата, а как обогащение, необходимо, чтобы и сами люди, по разным причинам делающие выбор в пользу миграции, и люди в принимающих обществах перестали бояться друг друга, проявляли искренний интерес друг к другу. Нельзя жить полноценной жизнью, не говоря на языке окружающего мира. Это относится к китайским мигрантам в Казахстане и к испанской богеме в Берлине в одинаковой

мере. Унижение на основе неполного владения языком и отсутствия навыков не укрепляет уважение к другим и желание продолжать учиться — но такое желание должно быть. Само существование параллельных обществ к положительному развитию не ведет, так же как и требование ассимиляции, с одной стороны, и нежелание адаптации — с другой. Но приходу в определяющую взаимоотношения позицию таких предпосылок, как доброжелательность, интерес, любопытство и доверие, продолжают мешать представления о другом (и, кстати, о себе) как о не меняющемся, обладающем этнически детерминированным набором характеристик существе. Или словами антрополога Виктора Шнирельмана о восприятии этнической принадлежности в советское время: «Этносы воспринимались как обусловленные целостности не только со своими самобытными культурами и языками, но и со своими “психическим складом” и “национальным характером”. Они могли быть добрыми или злыми, проявлять благородство и доброжелательность или, напротив, отличаться мстительностью или коварством. Этносам приписывались строго определенные стереотипы поведения, с железной последовательностью воспринимавшиеся как свойства, имманентно присущие любому члену этнической группы» [2].

Повторяю, миграцию уже никто не отменит. Бороться с ней бессмысленно. Стремиться к улучшению ее восприятия стоит немало труда. В параметрах капиталистической матрицы нужных условий для изменения не будет, если не произойдет всемирный, сознательный поворот в сторону понимания человека как существа, всю жизнь социально формирующегося, способного к сознательному выбору и действию. Биологизация этнических и национальных культур, как и всякая эссенциалистская позиция, — это путь в прошлое.

Литература

1. Фёдоров В.В.: Трансформация — это нормально! // <http://www.ng.ru>. — 2013, 24 сентября.
2. Шнирельман В.А. Советский парадокс: расизм в стране «Дружбы народов»? — В кн.: Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели: Сб. статей / Е.Б. Деминцева (сост. и отв. ред.). — М.: НЛО, 2013.— 384 с.

Евразийская миграция как фактор социетальной безопасности

Черных И.А.

Данное выступление является в определенном смысле постановкой вопроса относительно того, каким образом миграционные процессы могут быть рассмотрены через призму социетальной безопасности? Насколько концепция социетальной безопасности может быть эффективной для анализа миграционных процессов?

Исследование вопросов миграции является темой не новой, а скорее традиционной. Данная проблема изучалась с позиций разных теоретических направлений, начиная от рассмотрения ее как вопроса безопасности и заканчивая анализом экономических аспектов миграции, ее влияния на страны исхода и прихода.

Почему концепция социетальной безопасности становится актуальной для исследования миграционных процессов?

Процессы глобализации, окончание «холодной войны» изменили содержание как угроз международной безопасности, так и повестки безопасности в целом. Опасности нарастания военной конфронтации между ведущими державами и вероятность возникновения между ними открытого военного конфликта существенно уменьшились, одновременно возросли прямые угрозы обществу, или непосредственно населению. Начиная с 1980-х гг., были сделаны различные усилия в концептуализации этих изменений в таких терминах, как «теория комплекса региональной безопасности», «всеобъемлющая безопасность», «безопасность человека» и т.д. [1]. Большинство дискуссий осуществлялись в рамках так называемых «третьих великих дебатов» ('third grand debate'). По вопросам безопасности эти дебаты были расширены до трех измерений:

референтный объект безопасности (кого мы защищаем); содержание угроз (различные типы и виды угроз); меры по обеспечению стабильности.

В рамках классических теорий основным референтным объектом является государство. Однако представители постмодернистских теорий, и в частности Копенгагенской школы, поставили вопрос о том, что в качестве референтного объекта безопасности может и должно рассматриваться общество и даже индивидуум. Традиционное понимание угроз безопасности фокусируется на безопасности государства, главным образом, сохранении его суверенитета в возможных военных конфликтах между государствами. Начиная с 1990-х гг., формируется новая повестка безопасности, перечень угроз и их смысловое наполнение расширяются. Угрозы могут формироваться в разных секторах безопасности, таких как экономический, политический, социальный, социетальный, инвароментальный секторы, наряду с традиционным военным сектором (Buzan et al. 1998; Waever et al. 1993; Buzan 1991a; Buzan 1991b).

Как считают сами разработчики концепции социетальной безопасности (О. Вэвер и Б. Бузан), речь не идет о замене традиционного подхода к анализу вопросов безопасности новой концепцией, а о встраивании ее в существующие исследования. При этом актуализируются три основных аспекта:

1. *Концепция социетальной безопасности фокусируется на проблемах идентичности*, и отсюда по-новому формулируется референтный объект безопасности (кого или что мы защищаем) и содержание угроз безопасности. Основным является вопрос, как общество воспринимает те или иные угрозы с точки зрения своей идентичности. Социетальная безопасность анализирует способности общества сохранять свою сущность (самость) в изменяющемся мире и в условиях возможных или реальных угроз. Другими словами, согласно Оле

Вэверу, социетальная безопасность — это в большей степени вопрос об устойчивости общества, о создании и поддержании приемлемых условий для развития существующих форм языка, культуры, традиций, связей, религии и в целом национальной идентичности [2].

Актуальность использования концепции социетальной безопасности в исследованиях евразийской миграции определяется следующими факторами:

- усиление значения идентичности в контексте событий на Юге Кыргызстана и текущего украинского кризиса;

- важность внутренних факторов и проблемных зон внутри стран в совокупности с внешними факторами, оказывающими влияние на трансформацию политических режимов (гибридные войны, технологии цветных революций, арабской весны и т.д.). Если в стране есть те или иные проблемы, то ее можно «расшатать».

Таким образом, концепция «социетальная безопасность» предполагает, что общество, созданное в границах государства, его национальная идентичность, может являться независимым объектом безопасности и даже вступать в противоречие с безопасностью государства и его деятельностью в том или ином секторе.

2. *Формулирование содержания угроз безопасности и их источников.* Если основной референтный объект — общество и его идентичность, то угрозы идентичности могут иметь широкий диапазон: начиная от проблемы репрессий/подавления выражения своей самости и заканчивая прямым вмешательством в процесс воспроизводства общества (способности к размножению). В данном контексте очень важно, как в обществе позиционируются «свои» и «чужие», кто есть «свои» и «чужие». В этой связи актуальным является анализ того, как в обществе позиционируются/воспринимаются миграционные процессы. Является ли миграция, например

для принимающего общества, благом или угрозой, фактором дестабилизации ситуации? Представляются ли мигранты как «свои» или как «чужие», несущие угрозу идентичности существующего общества? Если мы сделаем анализ медийного пространства России и Центральной Азии, анализ дискуссий в социальных сетях онлайн, то, несомненно, увидим, что миграция, особенно нелегальная, воспринимается в целом как угроза. Это артикулируется на официальном уровне, ретранслируется в информационном пространстве. Зачастую концепт «другой», «чужой» трансформируется в дискурс «врага». Сегодня, например, в российском обществе существуют устойчивые фобии относительно мигрантов, работающих в России, когда выходец из Центральной Азии как минимум воспринимается как «чужой», как максимум — угроза личной безопасности. Эта картинка врага может существовать на уровне как стран исхода трудовых мигрантов, так и стран прихода. При этом такая дилемма социетальной безопасности может существовать и работать отдельно от межгосударственных отношений и иметь свою собственную динамику развития. Образ «чужого» или «врага» определяет и социальные практики, например: этнические погромы в октябре 2013 г. в Бирюлёво и Бутово (Москва) как реакция населения на убийство москвича Егора Щербакова, в котором обвинялся мигрант, или отношение и поведение населения крупных городов России — Москвы и Санкт-Петербурга в период наиболее важного мусульманского праздника Курбан байрам.

3. *Введение в научный анализ уровня субгосударственных акторов.* Если классические теории безопасности анализируют соответствующие вопросы с позиции государства как основного актора или субъекта, то социетальный подход фокусируется на уровне общества и субгосударственных акторах.

Так, например, в течение последнего десятилетия Россия и центральноазиатские государства значительно продвинулись в сфере регулирования процессов евразийской миграции (контроль границ, разработка, запуск и слежение миграционных законодательств и т.д.). В этом контексте регулирование миграционных процессов способствовало усилению сотрудничества на межгосударственном уровне. При этом на уровне конкретных обществ растет напряженность между «своими» и «чужими», между коренным населением и «понаехали тут». В противоположность официальному дискурсу миграции формируется дискурс общественный, в рамках которого транслируются угрозы как странам исхода, так и странам прихода. Основными вопросами, артикулируемыми в общественном дискурсе миграции, являются ужасные условия проживания мигрантов, коррупция, торговля людьми, организованная преступность, разделенные семьи, ксенофобия и т.д. Складывается ситуация, когда, с одной стороны, сотрудничество усиливается на межгосударственном уровне, а с другой — растет нестабильность и напряженность на уровне обществ или субгосударственном уровне. При этом государства как акторы, вовлеченные в процесс регулирования миграции, и субгосударственные акторы могут иметь интересы, противоречащие друг другу, и вести к внутренней нестабильности и даже являться препятствием для международного сотрудничества. В данном контексте следует признать, что социетальная безопасность, которая имеет свою собственную динамику развития, не только не зависит от безопасности государства, но иногда и противоречит ей.

Как общество может реагировать на социетальные вызовы, угрозы и риски?

Существует два основных способа противодействия угрозам социетальной безопасности:

- государственно ориентированный подход;

- не государственно ориентированный подход (ориентация на общество).

В рамках первого подхода, как правило, принимаются различные меры в области усовершенствования законодательства (в т.ч. регулирующих миграционные процессы), укрепления границ, усиления пограничного контроля и т.д.

В рамках второго подхода акцентируется необходимость проводить системную работу по вовлечению в процесс регулирования миграции всех заинтересованных акторов, таких как работодатели, компании по найму персонала, посреднические организации, профсоюзы, НПО и т.д. Актуальной является деятельность по разработке механизмов адаптации мигрантов в стране прибытия, информационно-идеологическая работа по преодолению в обществе фобий относительно мигрантов, создание единого правового пространства для всех членов социума и т.д.

При этом важно зафиксировать смену парадигм восприятия миграционной ситуации: переход от «трудовых мигрантов» к концепции «экспорта трудовых ресурсов». Они начинают рассматриваться как товар, который для эффективного экспортного позиционирования необходимо специальным образом готовить.

Литература

1. Buzan, B., Waever, O., Wilde, J. *Security: A New Framework for Analysis*. — London: Lynne Rienner Publishers, 1998; Waever, O., Buzan, B., Kelstrup, M., Lemaitre, P. *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. — New York: St. Martin's Press, 1993; Buzan, B. *People, State and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. — Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1991.
2. Wæver, O. *Securitization and Desecuritization. On Security*. — New York: Columbia University Press, 1995. — Pp. 46—86.

**«Ведь мы как стволы деревьев в снегу...»
Мульти-культу в Германии — попытка некролога**

Петер Линке

Сделать ФРГ из страны, в которую едут, страной, которая принимает. Страной, которая понимает ЧУЖОЕ в основном не как проблему, а как шанс. В этом заключается один из крупнейших вызовов, перед которыми стоит немецкое общество. Применявшиеся до сих пор в отношениях с ЧУЖИМИ концепции оказываются при этом все более контрпродуктивными.

Это, в частности, касается концепции «мультикультурного общества», которая была внесена в политические дебаты в конце 1980-х гг. тогдашним генсеком консервативного Христианско-демократического союза Хайнером Гайслером и сразу вызвала волнение: одни аплодировали ей как новой общественной идиллии, другие предостерегали от ценностно-нейтрального варианта мультикультурности, который способствует, прежде всего, развитию социотоксичных параллельных обществ. Если сегодня поехать по ФРГ, то можно подумать, что критики были не только правы, но и что более или менее миролюбивая жизнь среди людей различных культур принципиально невозможна. Но все не так безнадежно...

Еще в 1997 г. философ Вольфганг Вельш [1] критиковал мультикультурность и интеркультурность по Йоханну Готтфриду Хердери [2] как замкнутые в себе и гомогенные шаровые системы, неприспособленные для коммуникации, способные «лишь толкать друг друга». Интеркультурность пытается, пишет Вельш, пробиться через это отдельное, рядом друг с другом, существование культур и добиться обмена между ними. Впрочем, и здесь культуры оставались бы фиксированными величинами, вступающими во взаимодействие

каждая из своего «островного положения». Шаровой модели мультикультурности и интеркультурности Вельш противопоставляет свою плетеную модель транскультурности: возможность того, что встреча двух разных культур в тенденции ведет к стиранию границ. При этом, однако, у него не возникает униформная глобальная культура, а формируются индивиды и общества, несущие в себе как следствие горизонтальных и вертикальных переплетений транскультурные элементы. Для Вельша важно распознавание в нас «чужих» элементов: наша идентичность состоит для него в том числе из «чужих» элементов, и лишь в случае осознания этой отчужденности мы познаем также сходство с внешними необычностью*.

В 2007 г. турецко-немецкий адвокат Сейран Атеш констатировала, что в Германии не удалось понять и реализовать «мультикультурное общество как политический концепт. Я уже не уверена, надо ли об этом всерьез жалеть. Ибо где бы мы были, сделав это? В США воплощена концепция мультикультурного общества. Что при этом получилось, не представляется мне тем, к чему следует стремиться» [3]. Известная защитница прав женщин выступает за транскультурное немецкое общество в орбите «европейской руководящей культуры» (Leitkultur) [4], базирующейся на западных представлениях о ценностях (плюрализм культур, ценностный консенсус и т.д.).

С точки зрения японского литературоведа Араты Такеда, такая модель недостаточно надежна. Культурное многообразие — да, но при условии, что имеется в виду равенство, а не иерархия. «Культурное многообразие с руководящей культурой во главе и несколькими культурами-сателлитами вокруг нее было бы неравным» [5]. Живущий и работающий в Германии Такеда предостерегает от бездумного использования полюбившихся образов в межкультурном диалоге: «Когда мы,

* Опорные ноги не должны превращаться в косопалые. Вольфганг Велш в беседе о транскультурно-ориентированном обществе — и как музыка может объединять. — См.: *Musikforum*, 8. Jahrgang, Ausgabe 1 Januar — März, 2010. — S. 8.

например, провозглашаем, что хотим строить мосты между народами или засыпать рвы между культурами, — не результат ли это упорной приверженности традиционному представлению о культурах как островах? А может быть, нет никакой реки, через которую надо строить мост; может быть, нет никакого рва, который нас разделяет. Пока мы строим мосты, под ними стекаются воедино народы как водные массы, а пока мы думаем, что засыпаем рвы, мы сооружаем на равнине культур земляные валы» [6]. Особенно мешает Такеде мнимая «укорененность человека» как предпосылка его существования: «В тексте [Франца] Кафки “Деревья”... [1908] <...> люди сравниваются с деревьями или стволами деревьев. Укорененность стволов деревьев подвергается при этом сомнению: ведь мы как стволы деревьев в снегу. Кажется, что они лежат ровно и небольшим усилием их можно сдвинуть в сторону. Нет, нельзя, ведь они крепко связаны с землей. Но, смотрите, даже это лишь кажется. — Намек на потерю корней человеком необязательно сигнализирует “принципиальную ошибочность бытия человека”; напротив, это может означать предпосылку его бытия, ориентированную на принципиальную подвижность. Все рефлексии об идентичности и различии неизбежно будут в силу этого измеряться “сознанием их собственной предварительности”, что одновременно признает подвижность идентичности и различия» [7].

С такими мыслями Такеда очень близко подошел к теоретическому ядру концепции транскультурализма Вельша: к идее трансверсального разума [8]. Речь идет о представлении относительно становления субъекта не благодаря вертикальной гиперинстанции, а через взаимодействие горизонтально существующих частей субъекта, подчеркивание их проницаемости и способности к переходам, которые, в свою очередь, делают возможным как внешний, так и внутренний плюрализм... Релевантность подобного подхода для развития евра-

зийских фигур мысли трудно оспаривать: обретение идентичности в постсоветской Евразии требует любознательности и мужества. Евразия нуждается в комплексно-динамическом плюрализме, который только и может произрасти из постмодерного образа мышления. Потенциал для этого имеется: это подтверждают как сторонники*, так и критики** евразийской идеи... Евразия — это больше, чем исторический вымысел. И это определенно больше, чем проект региональной экономической интеграции. Евразия — это будущее нас всех.

Литература

1. Wolfgang, Welsch. Transkulturalität. Zur veränderten Verfassung heutiger Kulturen. — In: Irmela Schneider, Christian W. Thomson (Hrsg.): Hybridkultur: Medien, Netze, Künste. — Köln: Wienand Verlag, 1997. — S. 67—90.
2. Johann Gottfried Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Dritter Theil. — Riga und Leipzig: Johann Friedrich Hartknoch, 1790.
3. Seyran Ateş. Der Multikulti-Irrtum: Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können. — Berlin: Ullstein, 2007. — S. 255f.
4. Bassam Tibi. Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft. — München: Bertelsmann Verlag, 2000.
5. Arata Takeda. Wir sind wie Baumstämme im Schnee — Ein Plädoyer für transkulturelle Erziehung. — Münster: Waxmann Verlag, 2012. — S. 94f.
6. Ibidem. S. 92.
7. Ibidem. S. 93.
8. Wolfgang Welsch. Vernunft. Die zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft. — Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1995.

* «Ни националисты, ни славянофилы не могли принять плюрализм как целостный процесс; и те, и другие считали различия, многообразие враждебными своим целям; и те, и другие исповедовали (исповедают до сих пор) монохромные (одноцветные) утопии. В этом смысле евразийство может быть сочтено по-модному постмодерным...». — См.: *Мадхаван К. Палам. Евразийство* // <http://www.runivers.ru>.

** «Eurasian integration begins from the <...> jaded and postmodern premise that history is a sort of grab bag of useful ideas...» — Look: *Timothy Snyder. Putin's Project. faz.net 16.04.14* // <http://www.faz.net>. — P. 10.

Концептуальные подходы к научному осмыслению евразийской миграции как явления

Ахмедьянова Д.К.

Осмысление концептуальных основ и методологических подходов к миграции на евразийском пространстве возрастает в свете современных реалий и новых вызовов. Как известно, в настоящее время на евразийском пространстве распространены различные типы и виды миграционных перемещений. Денежные переводы трудовых мигрантов играют все более возрастающую роль как для стран-реципиентов, так и для стран-доноров. Эти и другие факторы актуализируют возрастающее значение теоретического осмысления миграционных процессов в регионе.

Обзор мировой и отечественной научной литературы по тематике миграции позволяет сделать следующие выводы:

- миграционные процессы на евразийском пространстве как регионе являются объектом научного исследования наряду с аналогичными процессами в других историко-географических регионах;

- ученые из разных стран признают уникальность миграционных процессов на евразийском пространстве и единодушно указывают на исторически сложившуюся особенность его развития как региона ограниченной миграции. Кроме того, миграционные процессы не являются результатом межгосударственного взаимодействия, а сформированы в рамках одной страны;

- к числу специфических черт миграции на евразийском пространстве ученые относят мигрантские сети, в частности региональные (землячества);

- исследователи прибегают к различным подходам концептуального осмысления миграции — историческому, со-

циологическому, экономическому, политологическому. При этом возрастает число междисциплинарных исследований;

- миграция на евразийском пространстве анализируется с позиции факторов притяжения и выталкивания;

- актуальными объектами исследования ученых всех стран являются трудовая, транзитная и нелегальная миграции и их последствия, а также взаимосвязь миграции и национальной безопасности, механизмы миграционной политики, межгосударственное взаимодействие в области миграции (Migration Theory: Talking across Disciplines; Immigration Research for a New Century: Multidisciplinary Perspectives; Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia; Методология и методы изучения миграционных процессов; Folden C., Gembická K., Sarsembayev M.A., Hadjimuratova N., Mukhamadiev D., Молодикова И., Дювель Ф., Marat E., Садовская Е.Ю., Ивахнюк И.В., Рязанцев С., Шнирельман В. и др.).

При этом зарубежные авторы отмечают, что в рассмотрении миграционных процессов на евразийском пространстве до недавнего времени доминировали две составляющие — этнический детерминизм и роль государственного контроля. Именно этническая идентичность рассматривалась как главный мотив миграции вкупе с социально-экономическими причинами. При этом этничность связывают с теорией дуального рынка труда, согласно которой мигранты занимают ниши, малопривлекательные для коренного населения. Однако фокус на этничности нивелирует роль возрастных, гендерных, индивидуальных особенностей.

Что касается роли государства, то здесь акцент делается на его интервенционистской политике. Такой фокус на макроуровне также упускает из виду незарегистрированную миграцию, экономические мотивы. Отсюда следует, что с концептуальной точки зрения теории миграции должны разрешить такой ключевой вопрос, как обеспечение баланса между

макроуровнем (государственные управленческие решения) и микроуровнем (индивидуальный выбор). Также научный интерес представляют детерминанты, определяющие этот самый индивидуальный выбор — мигрировать или оставаться. Другая проблема, требующая осмысления, — конфликт, с одной стороны, между экономическим и демографическим развитием и, с другой стороны, необходимостью сохранения идентичности и обеспечения безопасности страны [3, pp. 2—5, 12—13].

Значительное число исследователей из дальнего зарубежья уделяют огромное внимание экономическим последствиям миграции, влиянию на нее экономического кризиса, масштабам трудовой и нелегальной миграции.

Большинство публикаций исследователей из стран СНГ несет прикладной характер и содержит эмпирические данные (статистика, экспертные оценки миграционной политики стран). Ученые делают акцент на функционировании Евразийской миграционной системы, которая интерпретируется как группа стран, связанных относительно масштабными и устойчивыми миграционными потоками вследствие исторических, культурных, экономических, демографических и политических факторов. Эти потоки приводят к структурным трансформациям в странах въезда и выезда мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость [9, с. 9].

Публикации авторов из стран СНГ посвящены трудовой миграции, нелегальной миграции, диверсификации миграционных потоков, регулированию миграционных потоков в рамках региональных организаций, сотрудничеству стран СНГ в области миграции.

Рассматривая Евразийскую миграционную систему, исследователи из стран СНГ уделяют огромное внимание историческим предпосылкам и факторам ее формирования, эво-

люции развития, внутренней и внешней среде и, что немало важно, анализу миграции с позиции экономических теорий — новая экономическая теория миграции (роль денежных переводов), теория миграционных сетей, теория социального капитала, теория неоклассической экономики (миграция как механизм выравнивания дисбалансов), концепция мобильного перехода — и теории миграционной взаимозависимости. Значительное место отводится роли государства в управлении миграционными процессами, однако наблюдается эволюция в освещении данного вопроса, связанная с объективными факторами. Так, если в ранних исследованиях миграции учеными из стран СНГ основной упор делался на изучении историко-демографических аспектов, то в последние десятилетия очевидно рассмотрение миграционных проблем сквозь призму национальной безопасности, проблем обеспечения прав и формирования толерантности.

Исследователи также концентрируют внимание на специфических чертах Евразийской миграционной системы:

- географическое расположение;
- благоприятные природно-климатические условия;
- исторические связи;
- этнокультурное и ментальное сходство;
- демографическая взаимодополняемость;
- упрощенный визовый режим;
- общая транспортная инфраструктура;
- широкомасштабная нелегальная миграция [8, с. 23; 10, pp. 1—2; 9, с. 19—20 и др.].

Отсутствие длительной традиции изучения миграции ввиду исторических обстоятельств, неполнота статистических данных и проблема регистрации миграционных перемещений, неоднозначная трактовка ключевых научных категорий, неравномерное развитие подходов к анализу миграции относятся к числу основных проблем, стоящих

перед исследователями из стран СНГ, в том числе и Казахстана. Кроме того, еще ошутим отпечаток советской эпохи, который выражается как в недостаточной разработанности методологической базы, закрытости части информации (например, о депортациях), так и в концептуальном обес- печении системы государственного миграционного менеджмента. Вместе с тем содействие зарубежных партнеров, финансирование и реализация совместных и собственно казахстанских проектов и программ, наметившаяся диверсификация предметного поля изучения, разработка и имплементация новых и адаптация уже сложившихся за рубежом подходов, безусловно, вносят вклад в развитие научных исследований в области миграции.

Общая теория миграциологии накопила значительный багаж теорий, которые в синтезе и при должном уровне адаптации к местным реалиям могут быть применены по отношению к анализу миграционных процессов на евразийском пространстве. В качестве актуальных направлений концептуального осмысления миграции можно назвать следующие вопросы:

- как государство влияет на индивидуальный выбор и как миграционные настроения влияют на политику государства;
- как обеспечить баланс между индивидуальными правами и интересами граждан и национальными интересами государства;
- каковы факторы выталкивания и притяжения, что способствует территориализации и привязыванию;
- как формируется чувство принадлежности (с психологической и физической точек зрения) и привязанности;
- какова роль денежных переводов мигрантов в экономике стран;
- какова взаимосвязь между миграцией и развитием и как она может содействовать развитию.

При этом перспективным представляется более широкое применение междисциплинарного подхода. Более того, осмысление концептуальных основ и методологических подходов к миграции на евразийском пространстве возрастает в свете значимой роли миграционных процессов в контексте региональной интеграции. Как известно, региональная интеграция происходит с разной скоростью в различных областях политики. Следовательно, актуальным представляется исследование взаимосвязи интеграции и тех сфер, которые являются наиболее чувствительными для стран-членов, в частности миграционные процессы.

Литература

1. Migration Theory. Talking across Disciplines / Ed. by Brettell C., Hollifield J. — Routledge, 2000.
2. Immigration Research for a New Century. Multidisciplinary Perspectives / Ed. by Foner N., Rumbaut R., Gold S. — New York: Russell Sage Foundation Publications, 2000.
3. Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia / Ed. by Cynthia J. Buckley and Blair A. Ruble, with Erin Trough Hofmann. — Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press / Baltimore, MA: The Johns Hopkins University Press, 2008.
4. Folden C., Gembická K., Sarsembayev M.A., Hadjimuratova N., Mukhamadiev D. Baseline Research on Smuggling of Migrants in, from and through Central Asia. — Vienna: Concept IOM Technical Cooperation Centre for Europe and Central Asia, 2006.
5. Молодикова И., Дювель Ф. Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования. — Litres, 2013.
6. Marat E. Labor Migration in Central Asia: Implications of the Global Economic Crisis / Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2009.
7. Методология и методы изучения миграционных процессов: Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж.А. Зайончковской, И.Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. — М.: Центр миграционных исследований, 2007. — 370 с.

8. Садовская Е.Ю. Диверсификация миграционных процессов: пример государств Шанхайской организации сотрудничества // Analytic. — 2008. — №3.

9. Ивахнюк И.В. Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра. экон. наук: 08.00.05. — М., 2008.

10. Ivakhnyuk I. Migration in the CIS Region: Common Problems AND Mutual Benefits / Background Paper for the UN International Symposium «International Migration and Development», 2006. — 10 p.

11. Ryazantsev S. with the collaboration of Korneev O. Russia and Kazakhstan in Eurasian Migration System: Development Trends, Socio-Economic Consequences of Migration and Approaches to Regulation. — CARIM-East RR 2013/44, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.

12. Ryazantsev S., Bozhenko V. New Approaches to Managing Labor Migration under Integration in Eurasec // Asian Social Science. — 2014. — Vol. 10, No. 20.

13. Shnirelman V. To Make a Bridge: Eurasian Discourse in the Post-Soviet World // Anthropology of East Europe Review. — 2009. — No. 27 (2).

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Профсоюз трудящихся-мигрантов как инструмент самозащиты прав трудовых мигрантов

Каримов Р.И.

Разрешите мне, во-первых, поблагодарить организаторов нашей встречи за приглашение принять в ней участие и прекрасную организацию семинара!

Великолепный вид, открывающийся из окна, показывает нам размах строительства в Астане. Мы видим, как красиво работают строители. Если бы это было в Москве, я бы с уверенностью мог сказать, что это работают трудовые мигранты, более того, в основном нелегальные трудовые мигранты. К сожалению, большинство трудовых мигрантов в России работают нелегально и не по своей вине. Они хотели бы работать законно, соблюдая все требования миграционного и трудового законодательства, однако миграционная политика такова, что основная масса вытесняется в нелегальный сектор. И это, конечно, с точки зрения формирования евразийской идентичности крайне негативный фактор.

Россия и государства Центральной Азии являются дополняющими друг друга с точки зрения своих экономик. Точно так же Европа и Россия являются дополняющими друг друга экономиками. И этим нужно научиться пользоваться во благо всех народов и России, и Европе, и Центральной Азии.

В этой связи необходимо так организовать трудовую миграцию, чтобы она максимально приносила пользу и вреди-

ла минимально, а лучше, чтобы совсем не вредила. Но будем реалистами! Чтобы минимизировать риски и вред процессов трудовой миграции, нужно сделать так, чтобы поездка на работу в другую страну перестала бы быть рискованным предприятием, заставляющим напрягаться как самого трудового мигранта, так и его родных и близких. Можно вспомнить студенческие строительные отряды в Советском Союзе, всесоюзные ударные комсомольские стройки, всесоюзные молодежные отряды на эти стройки. Была другая атмосфера и другие настроения. Мы — носители великого опыта! И в этом смысле нам необходимо учиться переносить наработанный опыт в новое время.

Также следует отметить, что и общество по-разному воспринимает трудовую миграцию при разных социально-экономических формациях. В Советском Союзе трудовые мигранты воспринимались, как люди одной страны, которые приехали из разных ее уголков делать одно общее дело. Результатами их труда пользовалось все общество. Однако иначе обстоит дело в современной России. Говоря упрощенно, люди понимают, что трудовые мигранты приехали работать на конкретного работодателя, принося прибыль отдельным, конкретным людям, а ездить в метро в час пик мешают всем. Государство не может справиться с задачей эффективного управления миграционными потоками, а подчас и само формирует такое негативное отношение населения к трудовым мигрантам. Помочь государству должно гражданское общество — посылающее и принимающее, в странах исхода трудовых мигрантов и в странах их приема. Особенно важную роль в этом должны играть профсоюзы, в том числе и наш профсоюз трудящихся-мигрантов.

Противостоять при этом приходится в первую очередь работодателям, которые загоняют мигрантов в прекариальные условия труда, нанимая их на работу без заключения письменных трудовых контрактов, без оформления им соответ-

ствующих разрешительных документов, заставляя работать сверх установленной законодательством продолжительности рабочего дня, без каких-либо социальных гарантий, не выплачивая им достойной заработной платы. Работающие в таких условиях миллионы трудовых мигрантов неизбежно используются в качестве своеобразного «средневекового тарана» для «пробития стены» трудовых и социальных гарантий местных работников, россиян. Все больше российских тружеников работают в таких же прекариальных условиях, как и трудовые мигранты.

Принимающее общество должно по достоинству ценить вклад трудовых мигрантов. Мало того, что трудовые мигранты вносят существенный вклад в социально-экономическое развитие принимающего государства, так еще и принимающее общество совсем не тратится на его подготовку. Давайте подсчитаем. Чтобы новый местный работник вышел на рынок труда, его следует родить и вырастить. Роды, детский сад, школа... На всех этапах государство должно расходовать значительные средства: на строительство и содержание этих объектов, заработные платы воспитателям и педагогам, социальные выплаты матерям и т.д. И только потом на рынке труда появляется новый работник. В случае же с трудовыми мигрантами мы сразу получаем готовых работников. И, между прочим, не несем перед ним никаких социальных обязательств!

25 октября 2011 г., выступая на страницах газеты «Известия» и анализируя процессы евразийской интеграции, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев справедливо отметил, что «создание Евразийского союза возможно только на основе широкой общественной поддержки».

Деятельность нашего профсоюза трудящихся-мигрантов вполне укладывается в русло формирования такой общественной поддержки, такого поддерживающего движения снизу.

И в заключение я позволю себе сказать два слова о нашем профсоюзе. Он был создан самими трудящимися-мигрантами восемь лет назад и в настоящее время объединяет свыше 37 тысяч членов — иностранных граждан из всех государств — участников СНГ, приехавших на временную работу в Российскую Федерацию.

За время своей работы профсоюз доказал эффективность такой формы организации трудящихся, как инструмент защиты трудовых, социальных и иных законных прав.

Нами успешно разрешены более 340 трудовых конфликтов. В качестве примера можно привести тот факт, что суммарный размер заработной платы, которую работодатели не хотели платить, а мы помогли мигрантам получить, превысил 17 миллионов. Разумеется, положительный эффект от разрешения трудовых конфликтов самими трудовыми мигрантами, через свой профсоюз не исчерпывается только рублями. Главным плюсом, главным итогом такой работы мы считаем приобретение членами профсоюза навыков самоорганизации, опыта успешной борьбы за свои права и как результат — уверенности в ходе своей работы и своего пребывания в Российской Федерации, веры в возможность установления справедливости и, что самое важное, установление такой справедливости своими усилиями, своими силами.

В профсоюзе бок о бок работают представители разных государств и народов. А такая совместная работа, как известно, является основным условием и фактором формирования евразийской идентичности.

В таком духе мы намерены действовать и дальше!

**Политика «мягкой силы» Китая в Казахстане,
образовательная миграция и академическая
мобильность: политические, социальные
и культурные аспекты**

Садовская Е.Ю.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось экономическим прорывом Китая в Казахстан и Центральную Азию. В последние годы Китай усиливает культурное влияние в Казахстане и регионе, инвестируя в образование, научные исследования, сектор теле- и радиовещания, культурные мероприятия, выставочную деятельность. Это часть так называемой политики «мягкой силы» (англ. *'soft power'*, кит. «*жуань шили*»). Понятие «мягкая сила» было введено в оборот американским профессором Джозефом Наем [1]. «Мягкая сила» в международных отношениях представляет собой использование нематериальных ресурсов культуры и идеологии для оказания влияния на другие страны. Применяя «мягкую силу», государство получает возможность влиять на людей, не прибегая к военным или силовым методам («убеждением, а не принуждением»).

Концепция «мягкой силы» близка ценностям китайской культуры, ведь еще в древности предки китайцев искали инструменты «мягкой силы» для победы в конфликте «жестких сил», что нашло отражение в древней мудрости: «В Поднебесной самое мягкое одерживает верх над самым твердым». Идеи Д. Ная были адаптированы китайскими идеологами в результате дискуссий по поводу того, какой смысл вкладывать в это понятие — культурный (повышение культурного потенциала внутри Китая и его проекция вовне) или политический (наращивание совокупной национальной мощи, создание гармоничного общества внутри страны и гармо-

ничного мира на международной арене, укрепление «стратегической репутации», которые повысят доверие других стран к Китаю) [2]. В результате дискурса обе трактовки — и культурная, и политическая — нашли отражение в основном курсе Пекина на постоянное укрепление «совокупной государственной мощи», компонентом которой является культура [3].

Сегодня политика «мягкой силы» успешно применяется Китаем для продвижения ценностей и достижений своей культуры и формирования позитивного имиджа страны во всем мире, в том числе и в Казахстане. Одним из важнейших направлений «мягкого» воздействия Китая является система образования. КНР вкладывает инвестиции (в т.ч. передает безвозмездные гранты в образовательный сектор), увеличивает прием студентов в китайские вузы и колледжи и сам посылает студентов на обучение в университеты Казахстана, открывает институты Конфуция и активно пропагандирует изучение китайского языка. В результате за последние десять лет число студентов из Казахстана в Китае резко возросло.

Интенсификация гуманитарного сотрудничества между РК и КНР началась в 2003-е гг. после подписания двусторонних документов в области образования: в Китай на учебу отправлялись сначала десятки, а потом и сотни студентов. По сообщениям СМИ, в 2006 г. в Китае получили высшее образование около 1 200 казахстанских студентов [4]. Согласно данным Министерства образования КНР, в 2013/14 учебном году в Китае обучалось уже около 10 тысяч студентов по всем видам программ: государственным, корпоративным и частным. Это беспрецедентно высокий рост обучающихся за рубежом в стране, с которой еще четверть века назад у Казахстана не было дипломатических отношений.

Развитие образовательной миграции и в целом социально-культурное и гуманитарное сотрудничество между Ка-

захстаном и Китаем не есть только «политика Пекина», оно обусловлено потребностями обеих стран и самим фактом экономического сотрудничества. Обе страны реализуют в настоящее время несколько крупных инфраструктурных проектов в республике (и трансграничных в регионе), и это требует привлечения специалистов различных специальностей по профилю данных проектов.

Потребности Казахстана обусловлены современным состоянием системы образования и науки республики. Основные ее недостатки: недофинансирование на протяжении многих лет, перекос в сторону подготовки гуманитарных кадров в ущерб техническим, низкое качество преподавания и, следовательно, получаемых знаний, несоответствие номенклатуры подготавливаемых специальностей потребностям рынка труда, дороговизна образования и проживания в городах и коррупция. Все это обусловило необходимость дополнительной подготовки кадров для отрасли и международных проектов.

С другой стороны, молодежь привлекает относительная дешевизна университетского образования в Китае, растущая репутация китайских вузов, возможность изучить китайский язык, получить более востребованную специальность и работать на китайских или совместных предприятиях, получая при этом достаточно высокую зарплату. Конечно, определенную роль играет и геополитическое и геоэкономическое возвышение самого Китая, которое делает привлекательным обучение в этой географически близкой стране. Кроме того, и сам Китай в последние годы активно включился в глобальную конкуренцию за студентов и продвигает свои университеты на мировом рынке образовательных услуг, в том числе и в Казахстане.

Таким образом, среди причин (как мы увидим позже, и последствий образовательной миграции) не только полити-

ческие, но и экономические, социальные, этнокультурные и правовые. Так, важную роль в налаживании сотрудничества сыграла международно-правовая база в этой сфере. Двустороннее сотрудничество в сфере образования получило новый импульс во время визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Республику Казахстан 3 июня 2003 г., когда в Астане было подписано два документа, касающихся образовательной сферы: соглашение между Министерством образования и науки РК и Министерством образования КНР о сотрудничестве в области образования, а также межправительственное соглашение о предоставлении Казахстану правительством Китая безвозмездной помощи в размере 20 млн юаней на реализацию проектов в области образования [5].

Другие важные документы были подписаны Президентом РК Н.А. Назарбаевым во время государственного визита в КНР в декабре 2006 г. Среди них: стратегия сотрудничества между странами в XXI в., соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых (научных) степенях и ученых званиях, соглашение об открытии Института Конфуция в Казахстане и др. В последующие годы стороны подписали несколько важных документов в сфере образования и науки, которые содействуют взаимному обмену студентами и научно-педагогическими кадрами, развитию академической мобильности и тем самым укрепляют сотрудничество в области образования.

В данной работе под образовательной (учебной) миграцией мы имеем в виду обучение в высшем или среднем учебном профессиональном заведении за рубежом с целью получения специальности. Сюда также были включены языковые курсы, которые, как правило, предшествуют обучению в вузе или колледже. Академическая мобильность — это обучение студентов, стажировка преподавателей, проведение исследований на определенный академический период, как правило,

семестр или учебный год в другом высшем учебном заведении внутри страны или за рубежом.

Образовательная миграция и академическая мобильность из Казахстана в Китай

Динамика и география образовательной миграции

В соответствии с соглашением между профильными министерствами РК и КНР от 2003 г. начался ежегодный обмен студентами, аспирантами и стажерами. Первоначально граждане Казахстана проходят языковую стажировку в высших учебных заведениях КНР в течение одного академического года. В 2003/04 учебном году в КНР по межгосударственному обмену обучалось 20 студентов из различных университетов Казахстана [6].

В 2005 г. началось двухгодичное обучение студентов из Казахстана и других республик Центральной Азии в Северо-Западном университете, расположенном в древней столице Китая городе Сиань [7]. По сообщениям СМИ, в 2006 г. в Китае получали высшее образование уже около 1 200 казахстанских студентов, в том числе более 500 — в вузах Пекина, 206 — Шанхая, 108 — Урумчи, 130 — Гуанчжоу и т.д. [8].

Правительство КНР последовательно увеличивало ежегодные квоты студентов-стипендиатов из Казахстана: сначала до 100, а потом и до 200 человек, что больше в 10 раз по сравнению с 2003 г. [9]. Согласно данным китайской стороны, в 2010/11 учебном году в КНР обучалось 7 874 казахстанских студента (и 1 500 китайских студентов — в Казахстане), а в 2011/12-м — уже 8 287 [10].

По последним сообщениям СМИ, в 2014/15 учебном году в КНР обучаются почти 11 тысяч 200 казахстанских студентов, из них: в Пекине — около 4 000, Урумчи — 1 250, Шанхае — 800, Сиане — 700, Гуанчжоу — 500, Ухане — 400, Нанкине, Ланьчжоу, Харбине — по 150 человек и т.д. [11].

Виды образовательных программ

Первый год образования в Китае посвящен, как правило, обучению китайскому языку, который, как известно, обладает своими фонетическими особенностями и иероглифической письменностью. Для ускорения обучения в Казахстане появились центры языковой подготовки. Например, с 2007 г. в Алматы работают Международная казахско-китайская языковая академия и колледж, где ведется интенсивное обучение китайскому и английскому языкам [12].

Обучение на языковых курсах позволяет студентам сдать государственный экзамен HSK для сертификации уровня владения китайским языком и последующего обучения в системе высшего образования. *HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi, Ханьюй Шуйпин Каоши)* — это государственный экзамен КНР для сертификации уровня владения китайским языком лицами, не являющимися носителями китайского языка, включая иностранцев, китайских эмигрантов (хуацяо) и представителей национальных меньшинств [13].

Обучающие и исследовательские программы в Китае осуществляются как по официальным каналам (через высшие учебные заведения, академические и отраслевые институты и центры), так и вне официальных каналов. В Китае обучаются различные контингенты студентов: прибывшие в рамках государственных соглашений, в рамках программы «Болашак»; самостоятельно оплатившие свое обучение, например, языковые курсы, обучение в колледже или университете, а также те, чье переобучение и стажировку оплатили посылающие предприятия — частные и частно-государственные компании. Так, например, ОАО «Актобемунайгаз» посылает специалистов на учебу и стажировку за счет своих средств.

Студенты получают образование по техническим (нефте-разведка и нефтедобыча, энергетика и металлургия, строительство и транспорт) и гуманитарным специальностям (ре-

гионоведение, международные отношения, переводческое дело).

Особенностью образовательной миграции из Казахстана в Китай является ее полиэтничный состав: среди студентов, обучающихся в китайских колледжах и университетах, присутствуют казахи, русские, украинцы, дунгане, китайцы (казахстанские граждане) и представители других национальностей.

В организации обучения представителей этнических меньшинств за рубежом принимают участие национально-культурные центры и ассоциации. Например, при содействии Ассамблеи народа Казахстана и Ассоциации дунган Казахстана (АДК) с 2002 г. на учебу в Китай отправляются студенты-дунгане, и их число постоянно растет. Сегодня среди партнеров АДК пять университетов в Сиане: Северо-Западный университет, Университет иностранных языков, Шэньсийский педагогический университет, Университет нефти и газа, Университет транспорта и коммуникаций и др., а также университеты в Шанхае. Учрежденный АДК Центр китайского языка в Казахстане ежегодно заключает договор с этими вузами, и студенты обучаются со льготными скидками, которые предоставляют университеты для АДК.

Сотрудничество с Китаем в области образования и культуры способствует подготовке специалистов, столь необходимых для развития дунганских сел: Масанчи и Сортобе (Шортюбе) Кордайского района Жамбылской области, где они в основном проживают. Благодаря тому, что молодежь ежегодно отправляется на учебу в КНР, за эти десять лет не менее 300 студентов-дунган обучились в Китае, многие прошли лингвистическую подготовку. Некоторые успешные выпускники китайских университетов работают на совместных предприятиях и фирмах Казахстана, России и Китая: в Алматы, Атырау, Гуанчжоу, Шанхае и др. Выпуск-

ники являются также потенциальными участниками бизнес-проектов с партнерами из провинций Шэньси и Ганьсу, где они получили образование, что является еще одним из существенных направлений в укреплении деловых, социальных, культурных связей Казахстана и северо-западных провинций КНР на региональном уровне.

Эти достижения контрастируют с шансами дунган получить высшее образование за рубежом по казахстанским государственным программам. Так, всего двое дунган (в 2005 г.) и один этнический китаец (в 2011 г.) смогли участвовать в престижной программе «Болашак» за время ее существования с 1994 г. (ситуация на начало 2012 г.). Поэтому одно из важных последствий сотрудничества с Китаем является появление новых образовательных возможностей, профессиональных и карьерных перспектив для дунган и в целом перспектив горизонтальной и вертикальной (восходящей) социальной мобильности для представителей диаспоры, которых они многие годы были лишены.

Академическая мобильность

В Китае обучаются магистранты и PhD студенты в рамках государственной программы академической мобильности «Болашак». Стипендия «Болашак» была учреждена в Казахстане в 1993 г. и дает возможность обучаться в зарубежных вузах за государственный счет. Всего в 1994—2014 гг. было присуждено 10 902 стипендии, большинство студентов обучаются в Великобритании, США и России. В 2005 г. первый большой «эшелон» студентов в 112 человек отправился в университеты Юго-Восточной Азии. За 2005—2014 гг. в Китае по программе прошло обучение 190 студентов, а вместе с другими странами (Малайзия, Австралия, Сингапур, Япония, Южная Корея и др.) доля обучающихся в ЮВА «болашаковцев» составила 7,8%, или 850 человек [14].

На декабрь 2014 г. 116 выпускников уже завершили обучение в университетах Китая, из них по программе бакалавриат — 76 человек, магистратура — 24, докторантура — 1, стажировка — 12 и клиническая ординатура — 3 человека. В настоящее время в рамках программы «Болашак» на академическом обучении в вузах Китая находятся 13 стипендиатов, большинство из которых получают технические специальности: информационные технологии, машиностроение, геология и горный инжиниринг, строительство и архитектура и др. [15].

Шанхайская организация сотрудничества играет возрастающую роль в развитии образовательной миграции и академической мобильности между Китаем и Казахстаном, а также и другими государствами — членами ШОС. Новым шагом в этом направлении может стать Университет Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), начавший свою деятельность в 2009 г. [16].

Сетевой университет ШОС включает в себя 53 ведущих вуза стран — участников ШОС: 16 — из России, по 10 — из Китая и Казахстана, 6 — из Кыргызстана и 11 — из Таджикистана. УШОС представляет собой систему взаимодействия университетов стран-членов, которые являются базовыми по отдельным направлениям подготовки в своей стране. Предполагается, что студенты головного вуза, включенного в систему УШОС в каждой стране, смогут продолжить обучение с любого семестра в участвующем в программе иностранном вузе.

Подготовка кадров высшей квалификации в рамках УШОС осуществляется по приоритетным областям экономического и научно-технического сотрудничества стран-участников. Это — энергетика, экология, машиностроение, металлургия, материаловедение, строительство, транспорт, топливно-энергетический комплекс, IT-технологии, нано-

технологии, а также специальности гуманитарного цикла: история, лингвистика и политология. Специализация в социально-политических науках осуществляется в рамках «Регионоведения». В обучении студентов из постсоветских стран в Китае китайский язык и лингвистика остаются одним из приоритетных учебных направлений.

Нет сомнения в том, что реализация проекта Университета ШОС могла бы не только способствовать взаимодействию ведущих вузов, развитию интеграции в области образования и науки и расширению возможности получения качественного современного образования. Самое важное — это его социальные, культурные, экономические эффекты, которые открываются для молодежи после получения образования. Это и личностный и профессиональный рост, и новые социальные лифты, и перспективы горизонтальной и восходящей вертикальной мобильности, и трансграничные контакты, и сотрудничество в инновационных областях, приобретающее глобальный характер. Для преподавателей и ученых это тоже новые возможности для развития научных и педагогических контактов, расширения многостороннего взаимодействия и в целом укрепления доверия и добрососедских отношений между народами стран — членов ШОС.

В условиях укрепления стратегического партнерства между Китаем, Казахстаном и другими членами ШОС, образовательная миграция и академическая мобильность имеют значительный потенциал для развития. В них будут участвовать не только студенты, но и стажеры, аспиранты, докторанты; можно прогнозировать рост научных обменов, формирование временных творческих групп и совместных исследовательских коллективов и т.д. Эта деятельность имеет исключительно огромное значение для поддержания мира и стабильности в регионе.

Роль институтов Конфуция в изучении китайского языка и продвижении китайской культуры

Политика «мягкой силы» Китая в Казахстане ознаменовалась открытием в республике институтов Конфуция — некоммерческих гуманитарных учреждений за рубежом. Институты Конфуция были созданы для продвижения китайского языка и культуры во всем мире. В них не только преподают китайский язык, обучение здесь одновременно дает возможность познакомиться с культурой и философией Китая.

В Казахстане первые институты Конфуция открылись в Астане — при Евразийском национальном университете им. Н. Гумилева в декабре 2007 г. и в Алматы — при Казахском национальном университете (КазНУ) им. аль-Фараби в феврале 2009 г. На базе Института Конфуция в Евразийском университете готовят специалистов-китаистов. Институт Конфуция в КазНУ открылся на базе Центра китайского языка, созданного в 2002 г. в результате многолетнего сотрудничества вуза с Ланьчжоуским университетом. В институте работают казахстанские и китайские преподаватели. Учебные программы были разработаны представителями КазНУ и Ланьчжоуского университета [17]. Ежегодно институт направляет преподавателей для прохождения научных стажировок и совершенствования знания китайского языка. На сегодняшний день Институт Конфуция отправил в Китай свыше 500 студентов и сотрудников университета [18].

В течение 2011 г. в Казахстане открылось еще два Института Конфуция — в Актобе и Караганде на базе вузов этих городов, партнером которых выступил Синьцзянский университет экономики и финансов в Урумчи. Китайские преподаватели приезжают в Казахстан за счет КНР [19]. Эти проекты в образовательной и культурной сферах способствуют более тесному гуманитарному сотрудничеству и дальнейшей регионализации отношений РК и СУАР КНР.

Рост желающих учить китайский язык и получить образование в КНР — это глобальный тренд, который подтверждает экономические успехи Китая и трансконтинентальное распространение китайского бизнеса, для эффективного сотрудничества с которым необходимо знание китайского языка [20]. Владение китайским языком также повышает конкурентоспособность казахстанских специалистов не только на местном, но и на международном рынке труда. Потребность в специалистах, знающих китайский язык, настолько велика в Казахстане, что некоторым успешным казахстанским студентам китайских вузов предлагают работу еще до того, как они получили дипломы.

Транснационализация социального пространства между Казахстаном и Китаем

Помимо довольно неожиданного, но вполне объяснимого разворота образовательного потока молодежи на восток (ныне вполне сопоставимого с образовательной миграцией в Россию, которая составляет 28 тысяч человек в 2014/15 г. [21].), происходят и другие, не менее любопытные процессы, например, транснационализация социального пространства между Казахстаном и Китаем. Образовательный процесс сопровождается активным трансграничным сетевым сотрудничеством казахстанской молодежи.

В этом легко убедиться, посетив сайты в сети Интернет, связанные с поиском информации по теме «обучение в колледжах и вузах Китая». Многие учащиеся и студенты едут на обучение в Китай вне официальных каналов. Уже прошедшие обучение и стажировку в КНР готовы поделиться информацией о том, в каких университетах найти подходящую специализацию, подсказать, где получить грант для изучения китайского языка, предоставить необходимую информацию

обо всех учебных заведениях в Китае и помочь с «навигацией» по Китаю [22]. Неформальное сетевое сотрудничество и взаимодействие школьников и студентов через границы и внутри Китая быстро развиваются в последние годы, и это весьма важно для взаимопомощи и взаимоподдержки в стране с новой для молодых людей культурой, традициями и языком.

Это общение происходит не только между студентами и не исчерпывается лишь образовательными темами. По скайпу, телефону, в социальных сетях общаются друзья и одноклассники, оставшиеся в Казахстане, обсуждая самые разные темы — от политики до досуга; родители поддерживают постоянные контакты со своими сыновьями и дочерьми, посылают им денежные переводы и время от времени сами навещают их в Поднебесной; родственники в разных частях Казахстана хотят узнать о Китае «из первых уст» и т.д. В разнообразии тем и взаимодействий молодежи можно убедиться, посетив сайт казахстанской студенческой организации в КНР Zhaskyranclub [23]. Это сайт студентов, которые обучаются в КНР, хотя он и не отражает всего спектра трансграничных семейных, экономических, социальных, организационных контактов и отношений, которые связывают Китай и Казахстан в образовательном и социальном пространстве.

Данный процесс транснационализации характерен для казахстанско-российского и казахстанско-немецкого пространства, вследствие масштабной миграции и наличия крупных диаспор выходцев из РК в РФ и ФРГ [24], но он нов для казахстанско-китайских отношений и совершенно не изучен. Очевидно, что его (как и многие другие аспекты образовательного сотрудничества и миграционных движений между Казахстаном и Китаем) необходимо исследовать в парадигме новых концептуальных подходов, связанных с глобализацией миграционных процессов и социальной трансформацией

в мире, например, используя теорию транснациональной миграции.

Ее разработка связана с такими именами, как Н.Г. Шиллер, Л. Баш и К. Бланк, предложившими определение «транснационализма» как «социального процесса, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы», и «развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы» [25]. Такие «трансмигранты» живут одновременно в нескольких местах, включены в несколько сообществ, образуют новые социальные сети и конституируют социальные сообщества, которые функционируют и в принимающем, и в отправляющем сообществах.

Создается новое миграционное пространство, которое Л. Прис назвал «транснациональным социальным пространством», где социальные сети размывают национальную идентичность и по-новому структурируют жизненные стратегии и карьерный путь. Транснациональные социальные пространства снимают с повестки дня проблему интеграции и ассимиляции мигрантов, которые имели первостепенную важность для мигрантов в принимающих национальных государствах [26]. Транснациональные сети и сообщества, порождаемые миграцией, интерпретируются как часть процессов глобализации. Насколько эта и другие теории инструментальны для анализа процесса транснационализации между Казахстаном и Китаем, покажут прикладные социологические исследования, потребность в которых уже назрела.

***Перспективы развития образовательной миграции
между Китаем и Казахстаном
(по материалам социологического исследования)***

Результаты социологического исследования, проведенного в 2012 г., подтверждают впечатляющую динамику образовательной миграции из РК в КНР: согласно опросу, 16% опрошенных имели знакомых, друзей или родственников, обучающихся в настоящее время или ранее обучавшихся в Китае*. Эта доля на первый взгляд может показаться скромной, однако необходимо помнить, что Казахстан (еще в составе СССР) и КНР разделяло два десятилетия напряженности в межгосударственных отношениях и в этот период контакты в области культуры и образования были сведены на нет. Быстрый рост студенческой миграции произошел буквально в последние пять-десять лет.

Опрос также выявил растущую заинтересованность казахстанцев в получении образования в Китае либо китаеведческой специализации в Казахстане. Так, согласно опросу, 12% респондентов сами хотели бы получить образование в Китае, и 18% — чтобы дети получили; 13% респондентов хотели бы сами получить китаеведческую специализацию в Казахстане и 16% — чтобы дети учились здесь и здесь же специализировались в китаеведении (рис.).

* Социологическое исследование в рамках авторского проекта проведено по репрезентативной выборке методом личного (*face-to-face*) интервью. Выборка: 544 интервью в 2012 г. среди городского населения Казахстана в возрасте от 15 лет и старше. Для отбора респондентов была использована стратифицированная случайная вероятностная выборка. Стратами выступали 14 областей Казахстана, сгруппированных в пяти регионах: Северный, Восточный, Южный, Западный и Центральный; г. Алматы выделен в отдельную страту. Полевые работы были проведены во всех городах в период с 17 мая по 8 июня 2012 г. Ошибка выборки не более 4,1%. Опрос проведен Агентством социальных и маркетинговых исследований «BRIF Research Group» (Алматы) в рамках проекта «Современная китайская миграция в Казахстане» при поддержке Всемирного банка (Вашингтон).

**Рис. Казахстанцы о реалиях и перспективах получения образования в Китайской Народной Республике (%).
N=544**

В региональном разрезе ориентация на получение образования в Китае выше всего в Алматы. Здесь у 27% респондентов есть знакомые, друзья или родственники, которые обучаются или обучались в КНР. В южной столице 17% респондентов хотели бы сами получить образование и 32% — чтобы дети получили образование в Китае. 27% алматинцев выразили желание сами получить китаеведческую специализацию в Казахстане и 39% респондентов — чтобы дети специализировались в китаеведении на родине.

Предсказуемо, что доля желающих получить образование в КНР или специализироваться в китаеведении выше всего среди респондентов 15—29 лет и среди имеющих незаконченное среднее и незаконченное высшее, а также среднее и высшее образование. В разрезе национальных групп растущую заинтересованность в получении образования в Китае или специализации выразили респонденты-казахи — их ответы на все вопросы в 1,5—2 раза выше показателей русских респондентов и представителей других национальностей.

Подобные образовательные предпочтения казахстанцев перекликаются с планами КНР на увеличение приема иностранных студентов. 7 июня 2012 г. во время саммита ШОС в Пекине Китай объявил о решении обучить 1 500 специалистов из государств — членов ШОС в китайских университетах в течение трех лет. Кроме того, Китай предоставит 30 тысяч государственных грантов и примет на обучение и повышение квалификации 10 000 студентов и преподавателей институтов Конфуция в течение ближайших десяти лет [27].

Таким образом, учитывая динамику студенческой миграции (по всем каналам — от государственного до частного) на восток, растущую заинтересованность казахстанцев в получении образования в Китае и планы КНР по увеличению приема иностранных студентов, можно прогнозировать дальнейший рост образовательной миграции и академической мобильности из Казахстана в Китай.

Возможности и риски образовательной миграции

Поскольку мы анализируем образовательную миграцию и академическую мобильность в Китай в более широком социальном контексте, то можно выделить следующие их аспекты для дальнейшего изучения:

- 1) как фактор человеческого развития и укрепления человеческого потенциала посылающей и принимающей страны;
- 2) как вид миграции, способный пополнить рынок труда Казахстана квалифицированной рабочей силой;
- 3) как вид миграции, который может пополнить рынок труда Китая квалифицированными специалистами;
- 4) как канал потенциальной академической, трудовой и восходящей социальной мобильности;
- 5) как основу развития «сетевых сообществ» и адаптации студентов в принимающем сообществе;

6) как фактор формирования транснационального социального пространства между Казахстаном и Китаем;

7) как вид миграции, содержащий риски «утечки мозгов» для посылающей страны;

8) как канал «брачной миграции», потому что студенты — это молодые люди, которые могут создать семью во время и после получения образования;

9) как канал трансформации временной миграции (обычно студенты находятся в стране по временной учебной визе) в постоянную;

10) как фактор развития двусторонних научно-образовательных, социально-культурных, политических, торгово-экономических, гуманитарных отношений и, значит, укрепления всестороннего международного сотрудничества между двумя странами и др.

Образовательная миграция и академическая мобильность между Китаем и странами ШОС имеют большой потенциал и перспективы развития. Однако важно, чтобы не получили распространения отрицательные последствия выезда на обучение и работу, которые могут привести к безвозвратной интеллектуальной эмиграции или «утечке мозгов». Подобные процессы всегда имеют негативные средне- и долгосрочные последствия для национальных экономик и человеческого капитала посылающих стран.

* * *

Роль образовательной миграции и академической мобильности, перспективы их развития и потенциальные последствия для Казахстана и Китая сложны и разнообразны. Образовательная миграция между этими двумя странами изучена весьма слабо, а имеющаяся статистика не консолидирована. Это направление нуждается в дальнейшем исследовании с тем, чтобы повысить эффективность образования, полу-

ченного казахстанцами в Китае, и наоборот. Практически все аспекты данного процесса могут и должны стать объектом исследования социологов и политологов, экономистов и международных, историков и антропологов, культурологов и религиоведов, педагогов и методологов и т.д. Совместные творческие коллективы из Казахстана и Китая представляются весьма плодотворной формой организации такой исследовательской работы, которая будет способствовать возрождению исторических традиций и дальнейшему развитию сотрудничества на Великом Шелковом пути.

Литература

1. Nye, J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — New York: Public Affairs Group, 2004.
2. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // <http://www.polit.ru>. — 2008, 7 апреля. — С. 6—10 (дата обращения: 19.08.2012).
3. Там же. С. 10.
4. <http://www.inform.kz>. — 2006, 23 декабря.
5. Нестеренко С. // *Казахстанская правда*. — 2003, 4 июня // <http://www.kazpravda.kz> (дата обращения: 24.06.2007).
6. Вебсайт Министерства образования и науки РК по состоянию на 24 июня 2007 г. // <http://www.edu.gov.kz>.
7. <http://www.sectsko.org>.
8. <http://www.inform.kz>. — 2006, 23 декабря.
9. В Казахстане прошла Неделя культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая // <http://www.zakon.kz>.
10. Win-win for China and Kazakhstan. Chinese Ambassador to Kazakhstan Zhou Li gave an exclusive interview to China.org.cn // <http://www.china.org.cn>. — 2012, 27 февраля (на англ. и кит. яз.) (дата обращения: 13.08.2012).
11. В Шанхае День Первого Президента РК отметили флэшмобом // ИА KAZINFORM // <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 01.12.2014).
12. <http://ikcla.com/информация-о-колледже>; <http://ikcla.com/специальности> (дата обращения: 11.07.2014).
13. <http://www.study.uz> (дата обращения: 11.05.2012).

14. Данные Сводно-аналитического отдела Государственной программы «Болашак», электронная переписка автора, 12 декабря 2014 г.
15. Там же.
16. Университет ШОС официально начнет функционировать с 1 сентября // <http://russian.people.com.cn>. — 2009, 27 мая (дата обращения: 01.06.2009).
17. В Алматы открылся Институт Конфуция // <http://vesti.kz>. — 2009, 23 февраля (дата обращения: 03.03.2009).
18. <http://www.kaznu.kz> (дата обращения: 08.06.2014).
19. В 2011 г. в Казахстане открылись еще два Института Конфуция // <http://vesti.kz>. — 2011, 8 июня (дата обращения: 15.06.2011).
20. Learning Chinese to grab Chinese market: foreign youngsters // <http://news.xinhuanet.com>. — 2009, 3 августа (дата обращения: 30.08.2012).
21. В Шанхае День Первого Президента отметили флэш-мобом...
22. <http://kitairu.net> (дата обращения: 22.12.2011); Уроки китайского языка // <http://www.kitairu.net> (дата обращения: 24.09.2008).
23. Казахстанская молодежная студенческая организация в Китае // <http://vk.com> (дата обращения: 06.03.2014).
24. Sienkiewicz, J.J., Sadovskaya, Y., Amalina, A. (2014) The Kazakh-German Social Space: Decreasing Transnational Ties and Symbolic Social Protection (*forthcoming*).
25. Glick, S.N., Bash, L., Blanc-Szanton, C. (eds.). Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. — N.Y.: Annals of the New York Academy of Sciences, 1992. — Vol. 645. — P. IX; Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии). — В кн.: Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. — СПб: Центр независимых социологических исследований, 2004. — С. 135.
26. Pries, L. Transnationale Soziale Raume. Theoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexiko — USA // Zeitschrift für Soziologie. — 1996. 25 (6). Dec. — S. 456—472; Кайзер М., Бредникова О. Указ. соч. С. 136.
27. Казахстанские студенты участвуют в программе «Летние курсы — 2012» в Шанхае // <http://www.inform.kz>. — 2012, 25 июля (дата обращения: 22.01.2013).

Между выгодами и потерями: социальные эффекты трудовой миграции в Кыргызстане

Мурзакулова А.Д.

Международная трудовая миграция граждан Кыргызстана все сильнее обостряет противоречия между экономическими выгодами и социальными потерями (разрушение семей, ухудшение здоровья людей, исход молодежи и квалифицированной рабочей силы, ухудшение человеческого потенциала страны). Несмотря на то, что доля трудовой миграции в пропорции к трудоспособному населению страны остается существенной*, в Кыргызстане до сих пор не выработана модель миграционной политики страны. Как пример в принятой 21 января 2013 г. Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период с 2013-го по 2017 г. трудовая миграция не нашла должного отражения [1].

Ключевым вопросом до сих пор остается определение источников/причин трудовой миграции. Так, на официальном уровне они определены как трудоизбыточность населения [2]. Таким образом, существующий подход в определении истоков миграции оставляет за бортом проблему сужения рынка труда, управленческие, экономические и институциональные причины, являющиеся, на наш взгляд, ведущими.

Преимущественно трудовые мигранты из Кыргызстана едут в Россию, где официально, по данным на сентябрь 2014 г., легально находятся 339 тыс. мужчин и 211 тыс. женщин [3]. По экспертным оценкам, эту цифру можно умножить как минимум на 1,5 [4]. Денежные переводы мигрантов за период с 2009-го по 2013 г. показали рост с 15 до 30% ВВП, ориентировочно с 800 млн до 2 млрд долл. США [5]. По ко-

* В зависимости от сезона от 20% и выше. Более подробно см.: *Дмитрий Полетаев. Наилучшие практики помощи трудовым мигрантам из Кыргызстана в России* // <https://aisa.kg>.

личеству переводов трудовые мигранты из Кыргызстана занимают третье место в мире. Теоретические и практические исследования экономического влияния денежных переводов мигрантов далеки от единства в своих выводах. Переводы могут уменьшать бедность и повышать благосостояние домохозяйств (накопления и инвестиции). В то же время переводы могут оказывать давление на реальный обменный курс и снижение конкурентоспособности экспорта (тот же аргумент, что и Голландская болезнь).

Значительные миграционные потоки и денежные переводы указывают на то, что рынки труда России и Кыргызстана уже глубоко интегрированы. Однако неформальная природа этих потоков снижает их положительное влияние на развитие, особенно в части участия в пенсионных фондах и других формах социальной защиты и защиты занятости в странах отправления. Формализация этих миграционных потоков может принести значительные выгоды как для рынка труда, так и для социальной защиты мигрантов.

подавляющее большинство трудовых мигрантов являются жителями сёл и малых городов Кыргызстана. В связи с этим миграция людей, находящихся в поиске работы из сельской местности, более интенсивная, чем людей из городской местности. В качестве наиболее распространенных эффектов внешней трудовой миграции называются: феминизация сельскохозяйственного труда, акселерация урбанизации, снижение производительности труда семей мигрантов. Несмотря на то, что внешняя миграция, безусловно, способствует росту благосостояния граждан, она не приводит к развитию внутреннего рынка труда.

В изучении проблемы миграции обращает на себя внимание и разброс цифр. Так, не один государственный орган в Кыргызстане не обладает точной информацией о том, сколько граждан страны находится в трудовой, студенческой

и сезонной миграции* . Сколько детей мигрантов осталось под присмотром родственников, одного из родителей или сколько детей уехало с родителями на заработки? Сколько выпускников государственных университетов уезжают по официальным программам рекрутирования граждан Кыргызстана в Россию и другие страны? Очевидно, что необходимо проводить периодические обследования населения для оценки воздействия миграции на сообщества. Без точной и постоянной информации о мигрантах, их семьях невозможно дать экономическую и социальную оценку последствиям трудовой миграции в масштабах страны.

Несмотря на то, что денежные переводы имеют позитивное воздействие на бюджет семей мигрантов, цена такой миграции и зависимость от нее в долгосрочном плане превышают выгоды [6]. В этом аспекте показательно исследование «Денежные переводы мигрантов и человеческий капитал детей: новые доказательства на примере Кыргызстана в период между революцией и мировым финансовым кризисом, 2005—2008 гг.» [7]. В нем показано, что доля успеваемости учащихся в школе среди мальчиков в возрасте 14—18 лет из домохозяйств, получающих денежные переводы, ниже, чем доля учащихся в школе среди других групп детей. Кроме того, было установлено, что девочки из домохозяйств, получающие денежные переводы, в большей степени склонны к недоеданию. Опираясь на обширный эмпирический материал, исследование доказывает, что денежные переводы от мигрантов в Кыргызстане не способствуют улучшению человеческого капитала детей, оставшихся на родине [8].

Влияние трудовой миграции на социальные иерархии имеет разные акценты. С одной стороны, в местных сообществах происходит повышение социального статуса трудового

* Показательны в этом отношении ссылки на компетентные органы принимающих стран, а не на свои профильные структуры.

мигранта, что связано с его квалификационным и профессиональным ростом, повышением его престижа, влияния на процесс принятия решений в местном сообществе, «кредитование соседей» и др. В то же время трудовая миграция женщин изменяет патриархальную модель лидерства в семье. Миграция способствует укреплению семьи с материальной точки зрения, при этом трансформирует традиционные роли. Нередко это приводит к тому, что члены семьи удаляются друг от друга, распространены разводы в семьях мигрантов. Дети из семей трудовых мигрантов становятся новой группой риска, так как они в наибольшей степени подвержены влиянию улицы, ущемлены в социально-психологическом, нравственном и воспитательном плане.

В стратегическом отношении отток граждан из сельских регионов уже привел к устойчивой тенденции — сокращение населения, занятого в сельском хозяйстве. Например: с 2001-го по 2005 г. численность занятых в крестьянских (фермерских) хозяйствах уменьшилась на 10,1 тыс. человек, с 2007-го по 2011 г. — на 41,9 тыс. человек [9]. Миграция из сельских регионов способствует поддержке условий для воспроизводства миграции, поскольку понижает производительность сельского хозяйства. Улучшение доступа сельского населения к банкам и политика субсидирования сельского хозяйства являются распространенным решением для качественных изменений в этой сфере.

Наряду с оттоком трудовых ресурсов из сферы сельского хозяйства, активно происходит отток медицинских работников. Так, с 2001-го по 2005 г. численность медицинского персонала сократилась на 10%. За период с 2007-го по 2011 г. численность занятых в здравоохранении сократилась еще на 8,9%. Остро стоит вопрос обеспечения врачами в отдаленных районах, которое в 2005 г. составляло менее 10 специалистов на 10 тыс. населения [10].

Редкие исследования обращают внимание на то, что денежные переводы мигрантов активно направляются на поддержку неформальных традиционных институтов. Так, например, в исследовании Алтын Капаловой показано, как семьи мигрантов (внутренних и внешних) вкладывают более высокие суммы в традиционные практики сбора денежных средств, чем домохозяйства, не имеющие мигрантов. «Трудовые эмигранты приглашаются на все мероприятия, и обязательным остается их участие во время похорон. В случае внешней миграции они продолжают быть в ыража* и высылают деньги на оговоренные события и мероприятия. Часто семьи, в которых есть мигранты, дают сумму выше, чем остальные. Для отправки родственника на заработки в другую страну также существует ыража среди близких родственников. Есть случаи, когда мигранты создают подобные группы поддержки на новых местах, там границы идентичности расширяются» [11].

Опора на традиционные сети играет ведущую роль и в рекрутировании трудовых мигрантов из Кыргызстана. Агентства по трудоустройству остаются неразвитыми, что в целом снижает возможность государства регулировать процессы трудовой миграции. Как показывает мировой опыт, сокращение информационного разрыва между работодателями и работниками является эффективным решением в политике снижения и искоренения нарушения прав трудовых мигрантов. Последовательная государственная политика, направленная на снижение информационной асимметрии между потенциальными трудящимися и работодателями за рубежом, снижает нелегальную трудовую миграцию. В этих целях пока в пилотном режиме работает созданный при под-

* ыража, ынтымак, ирет — обязательная форма сбора денег с фиксированной суммой на определенные события. Более подробно см.: Алтын Капалова. *Неформальная экономика на службе социальной защищенности. Вернуть будущее: Художественно-теоретический альманах*. — Бишкек: ШТАБ, 2014.

держке Центральноазиатской региональной программы по миграции (CARMP) МОМ Центр по трудоустройству за рубежом в структуре Министерства труда, миграции и молодежи. Однако, как показывает международный опыт стран со схожими проблемами (Молдова, Армения, Албания), необходимо создать агентство с высокой степенью автономности и четко определенным мандатом по защите трудовых мигрантов на всех этапах миграции.

Обращает на себя внимание тенденция смены гражданства трудовыми мигрантами. Поскольку подавляющее большинство трудовых мигрантов едут в Россию, здесь есть важный риск, который часто остается в тени. Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., в пункте 21 устанавливаются следующие цели государственной миграционной политики Российской Федерации [12]:

а) обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения Российской Федерации;

б) стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации;

в) содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей.

Мы видим, что Россия рассматривает свою миграционную политику как инструмент решения собственной демографической проблемы. В принципе, с точки зрения российских государственных интересов это естественно, здесь проблема в том, что у отправляющих стран должно быть четкое видение защиты своих интересов, поскольку в существующем раскладе вся система подготовки гражданина в итоге начинает работать на экономику принимающей страны. Здесь не-

обходимо отметить, что такой политики не выработано ни у одной страны СНГ, имеющей существенный процент трудовой миграции в Россию (Молдова, Армения, Украина, Узбекистан, Таджикистан).

В отличие от трудовой внешней миграции, в рамках которой более 80% мигрантов задействованы в неквалифицированном труде, наиболее потенциальным ресурсом развития человеческого капитала является студенческая/образовательная миграция. Но в этом направлении обнаруживается следующая тенденция: студенческая миграция нередко становится предварительным этапом к эмиграции. Например, в исследовании отечественного специалиста Жаркын Саманчиной «Учебная миграция в развитии межгосударственных отношений Кыргызстана и Турции» [13] убедительно показано, что учебная миграция уже является этапом к эмиграции. Результаты ее исследования выявили эту тенденцию среди студентов, обучающихся в Анкаре и Стамбуле, которые откладывают возвращение в Кыргызстан, мотивируя свое решение необходимостью создания прочной финансовой базы. Как правило, они планируют остаться работать либо намереваются продолжить обучение в других странах, что откладывает их возвращение на родину на неопределенный срок. «Молодые люди боятся возвращаться домой и строят свое будущее за рубежом, поскольку опасаются, что не смогут применить полученные знания и навыки по возвращению в Кыргызстан». Эти проблемы не являются уникальными для Кыргызстана. Страны происхождения мигрантов испытывают серьезные трудности в конвертировании опыта и ресурсов мигрантов в устойчивый потенциал человеческого развития, проблема «утечки мозгов» создает угрозу воспроизводства интеллектуально-профессионального потенциала страны.

Нерешенность основных проблем занятости населения и экономического упадка в условиях вхождения страны в

Таможенный союз будет иметь долгосрочные последствия негативного плана. Как показывает пример Мексики после вступления в НАФТА, наряду с опытом Молдовы, вошедшей в программу восточного партнерства ЕС, экономические союзы и проекты «интеграции» в условиях плохой экономической ситуации могут повлечь рост нелегальной миграции и всплеск безработицы. Хотя сам Таможенный союз не направлен на поощрение трудовой миграции из стран союза, следующий этап становления этого объединения уже будет ставить эту задачу, следовательно, для стран, отправляющих мигрантов, это должно стать одним из приоритетов в государственном планировании и управлении.

В первую очередь возвращаемость людей и снижение потока трудовой миграции должны стать основным индикатором эффективности управления, с включением его во все планы и стратегии развития страны. Поскольку руководство Кыргызстана решило войти в Таможенный союз (ТС) до конца 2014 г., то самым эффективным показателем оценки экономического развития уже в рамках этого объединения должен стать индикатор трудовой миграции, то есть снижение трудовой миграции равно успеху и, наоборот, увеличение потока трудовой миграции — провал развития после вступления в ТС.

Следует отметить, что проблеме трудовой миграции уделяется незначительное внимание со стороны не только государственных структур, но и институтов гражданского общества. Как результат — существует дефицит исследований, гражданских кампаний и политических решений, направленных на решение проблем трудовой миграции и состыковки интересов трудовых мигрантов с интересами государства. К сожалению, проблемы трудовой миграции находят лишь половинчатые и периферийные решения в системе государственного управления Кыргызстана. В стране необходимо

внедрение комплексных политик по решению проблем трудовой миграции, увязав ее с политикой по стимулированию рынка труда, политикой по привлечению инвестиций, системой социального обеспечения, институтами образования и здравоохранения.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого развития // <http://www.president.kg>.
2. Там же. С. 44.
3. Официальный сайт ФМС РФ // <http://www.fms.gov.ru>.
4. Алексей Красин. Трудовая миграция: польза и риски для Кыргызстана // <http://www.ipp.kg>.
5. Там же.
6. Асель Мурзакулова. Три мифа о пользе трудовой миграции в Кыргызстане // <http://migrant.ferghana.ru>.
7. Энжи Кроегер (Antje Kroeger), Кэтрин Андерсен (Kathryn Anderson). Денежные переводы мигрантов и человеческий капитал детей: новые доказательства на примере Кыргызстана в период между революцией и мировым финансовым кризисом, 2005—2008 гг. // <http://www.diw.de>.
8. Там же.
9. Кыргызстан. Расширенный миграционный профиль. — Б.: 2013. — С. 44.
10. Там же. С. 46.
11. Алтын Капалова. Неформальная экономика на службе социальной защищенности. Вернуть будущее: Художественно-теоретический альманах. — Бишкек: ШТАБ, 2014.
12. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный сайт ФМС РФ: <http://www.fms.gov.ru>.
13. Саманчина Ж.Б. Учебная миграция в развитии межгосударственных отношений Кыргызстана и Турции. Автореф. диссер. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. — Бишкек, 2014.

Диаспора, миграция и транснационализм: жизнь между Таджикистаном и Россией

Олимова С.К.

Исследования показывают, что миграция меняет идентичность людей, усложняя и переформируя ее. В то время как политики и политологи обсуждают вопрос евразийской идентичности, она возникает естественным путем в потоках миграции, связывающих Таджикистан и Россию. Изучение этого процесса, его основных тенденций, трендов и динамики было проведено в ходе исследования таджикской диаспоры, осуществленного летом 2014 г. Институтом социологии РАН при поддержке MOM Душанбе. Данное сообщение основано на части результатов этого исследования, в котором участвовал автор. Цель сообщения: показать направления трансформации идентичности, которые происходят в диаспоре, в том числе и в рамках транснационализма.

Трансформация идентичности изучалась на уровне:

- а) изменений социальной организации различных потоков миграции и диаспоры (социальные институты, структуры, связи, сообщества);
- б) персональной идентичности.

Направления трансформации идентичности зависят от профиля и трендов таджикской диаспоры в России. Она состоит из следующих компонентов:

1. Ядро диаспоры — это представители «первой волны» эмиграции, в основном имеющие российское гражданство, и их потомки, вполне интегрировавшиеся в России. Это люди, которые прочно связали себя с Россией, находятся в России вместе со своей семьей, иногда с родными.

«Первая волна миграции, которая составила таджикскую диаспору в Москве, — это высококлассные специали-

сты, представители высокой науки и культуры, которые бежали от войны и сразу после нее. Там есть и русскоязычные таджики, есть и русские. В этой группе есть и представители тогдашней оппозиции. Они приехали в Россию осознанно, понимали, что переселяются навсегда» (из интервью).

2. Периферия диаспоры, которая состоит из долгосрочных мигрантов из Таджикистана. Они работают в России безвыездно более двух-трех лет и периодически возвращаются домой, чтобы навестить семью и родственников.

«Я впервые приехал в Москву в 2000 г. на заработки. Жизнь заставила. Вначале я работал разнорабочим. Понемногу я начал понимать, как идет жизнь в Москве, адаптировался к ней. Завел бизнес. Потом перевез семью, устроил в Подмосковье. Домой, к родителям, ездим раз в два года».

3. Трудовые циркулярные мигранты, которые, строго говоря, не входят в диаспору, тем более что в этой группе высока доля сезонников. Они работают в России от нескольких месяцев до девяти месяцев и затем возвращаются домой на несколько месяцев.

«Домой езжу навещать семью один раз в шесть-восемь месяцев. Буду в России работать до тех пор, пока не заработаю на твердое экономическое положение своей семьи и на образование сыновей. Потом вернусь на родину».

Следует иметь в виду, что состав диаспоры постоянно изменяется и границы между ее ядром и периферией очень подвижны. Ключевыми формальными параметрами принадлежности к диаспоре являются правовой статус и связь с местом происхождения (родиной) или тем местом, которое представители диаспоры рассматривают как родину (дом). Наряду с российским гражданством, представители диаспоры могут иметь вид на жительство (разрешение на постоянное проживание), разрешение на временное проживание, разрешение на временное пребывание либо, теоретически, не иметь ни-

каких легальных оснований для проживания/пребывания на территории России. Компаративистское изучение диаспоры и трудовой миграции, их различных трендов дает возможность значительно глубже проанализировать формирование транснациональной или наднациональной идентичности у мобильного населения.

Основными исследовательскими вопросами были следующие:

- Какова социальная организация различных диаспорных и мигрантских групп и как она трансформировалась в ходе миграции?
- Насколько диаспора и ее отдельные группы адаптировались и интегрировались в российское общество или же они приобрели какое-то новое качество, отличающее их и от социальной организации российского общества, и от общества Таджикистана?
- Какие социальные институты действуют в различных группах мигрантов?

Результаты опроса мигрантов в трех городах России (Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге) показали, что, как правило, представители диаспоры глубоко интегрированы в российское общество и в основном воспроизводят российский тип организации социума. Этот переход сопровождается размыванием идентичностей, особенно во втором поколении. Они ассимилируются, частично утрачивают знание языка родителей, связь с конкретной местностью и государством происхождения.

«Наши дети говорят на русском, хотя мы стараемся дома только по-таджикски говорить. Но они с нами уже и не разговаривают. Сидят в Интернете. Дочь подросла, сама нашла жениха. Он — наш земляк, такой-же, как дочь, второе поколение таджиков в России, говорит только по-русски. У них уже все по-русски».

И все же подавляющее большинство таджикистанцев, находящихся в России, ностальгируя по Родине, идентифицируют себя с Таджикистаном. На вопрос «В какой стране Ваш дом?»* 72,8% ответили — в Таджикистане. (19,2% назвали Россию, 2,6% — другую страну, 5,4% респондентов затруднились с ответом). При этом все они собираются продолжать жить в России. Только 37% опрошенных (все они — первое поколение мигрантов, оставшихся в России) собираются уехать в старости в Таджикистан, чтобы умереть на родине.

С большими проблемами сталкиваются представители так называемого «полупорного поколения» ('generation 1,5') — это дети, которых родители привезли в Россию в возрасте 6—15 лет и которые прошли первичную социализацию в Таджикистане. Прекрасно владеющие русским языком, как правило, имеющие российское гражданство, по всем формальным признакам они интегрированы в российский социум. Однако фактически многие, особенно прибывшие в подростковом возрасте, испытывают проблемы в общении с местным населением. Чаще всего эти трудности возникают во взаимоотношениях с взрослыми, в том числе с учителями, представителями правоохранительных органов. Во взаимоотношениях со сверстниками представители полупорного поколения чувствуют себя достаточно свободно. Именно это поколение чаще всего находится в поисках идентичности, переживая непростую идентификацию, осложненную поисками и экспериментами.

В отличие от второго поколения мигрантов, социализация которых проходит в России, «полупорное поколение» сохраняет память о Таджикистане, его общественном укладе, нормах поведения и традициях посылающего общества. Для них характерны двойственная/множественная идентичность,

* Полностью вопрос звучал следующим образом: «Когда люди много ездят, иногда им трудно сказать, где их дом. А в какой стране Ваш дом?».

восприятие себя как группы культурно адаптированных, владеющих языком страны проживания, перед которыми общество воздвигло барьеры как перед «чужими». Практики коммуникаций представителей «полупорного поколения» со сверстниками демонстрируют их известную отчужденность от этнического большинства: с выходцами из страны, откуда приехала их семья, они общаются столь же часто, сколь и с местными русскими. Более половины опрошенных сохраняют связи с друзьями, оставшимися в стране, где они родились. Часто их жизненные планы не связаны с Россией.

«Я — таджик, но редко пользуюсь таджикским языком, в основном в общении с друзьями-таджиками. Чаще пользуюсь русским — с русскими друзьями, в общении с некоторыми друзьями — смесь таджикского и русского, с другими друзьями говорю на турецком или на английском языке. Планы на будущее? Окончу университет и уеду на Запад».

Именно из этого поколения формируются «новые кочевники», «граждане мира», билингвы или полиглоты, которые с легкостью меняют страну проживания, легко адаптируются к любой местности и этническому окружению. Исследование показало, что, наряду с проявленной этнической идентичностью, они имеют слабую гражданскую идентичность.

Для того чтобы преодолеть кризис идентичности, свойственный полупорному и второму поколению, диаспорные организации (НКО, НПО) в основном нацелены на культуртрегерскую, просветительскую работу. Они видят себя в качестве своеобразного моста между Таджикистаном и Россией и сознательно формируют многокомпонентную идентичность, которая может стать естественной базой евразийской идентичности.

Вторая большая группа мигрантов из Таджикистана — это циркулярные и сезонные мигранты, которые тесно связаны с родиной, приезжают как минимум раз в год в Таджи-

кистан, оставляют на родине свои семьи и ориентированы на неформальные мигрантские сети и организации, такие, как землячества, патронаж, бригады, религиозные сети. Фактически они воспроизводят характер и устройство социальных связей посылающего общества, но с поправкой на мобильность и транснационализм.

Следует помнить, что в настоящее время общество в Таджикистане разделено на почти равные части:

1) стационарное население, полностью находящееся в правовом и информационном поле Таджикистана, включенное в систему власти РТ. Оно обладает сформированной гражданской идентичностью и в последние годы демонстрирует усиление этнического компонента идентичности;

2) транснациональное сообщество мигрантских домохозяйств, которые живут в постоянном движении между Таджикистаном и Россией. Здесь образуются сложные многокомпонентные идентичности, в которых присутствует и Таджикистан, и Россия. Здесь также формируются рамочные основы идентичности: евразийская, мусульманская и иранская.

«Мы связываем свое будущее и с Россией, и с Таджикистаном. И наши дети — тоже. В России меня держат научные интересы и деньги (доходы). Однако провести свою старость здесь, в Москве, для нас невозможно <...> мы здесь временно».

Исследование показало, что, несмотря на тип идентичности, более половины опрошенных, так или иначе, связывают свое будущее с Россией: 37,8% опрошенных намерены остаться в России навсегда, 27,9% собираются постоянно ездить между Таджикистаном и Россией, остальные хотят вернуться на родину после того, как решат свои экономические задачи. Таджикистанцы, принадлежащие к ядру диаспоры, укорененные в России и интегрированные в российский социум, существенно чаще ориентированы на то, чтобы остаться в

России навсегда. Входящие в периферию больше ориентированы на циркулярные поездки либо на транснационализм.

Стратегия миграционного поведения зависит от социально-демографических характеристик. Не меньшее значение имеет миграционный опыт и, самое главное, время пребывания в России. Чем длительнее продолжительность пребывания, особенно непрерывного, тем глубже степень интеграции в российский социум и тем больше вероятность оседания в России навсегда. Среди прибывших в Россию впервые в 1990-х почти 62,5% намерены в ней остаться, тогда как среди приехавших после 2010 г. таких только 28,0%.

«Нынешние представители диаспоры — это бывшие трудовые мигранты. Приедет молодой человек на заработки на определенный срок, работает, живет здесь, потом по каким-то причинам решает привезти семью. Надо зарегистрировать их, легализовать, все равно нужно гражданство. А затем они остаются».

И последнее. Практически все опрошенные в равной мере интересуются жизнью и Таджикистана, и России. Среди них гораздо больше людей, которые поддерживают вхождение в Евразийское сообщество, чем среди стационарного населения Таджикистана, и намного больше доля людей, ориентированных на евро-азиатскую интеграцию в рамках российских и пророссийских проектов.

Таким образом, сейчас в Евразии так же, как и во всем мире, формируется новое общество людей с множественной либо многокомпонентной идентичностью. Это результат объективных процессов глобализации и резкого повышения мобильности населения. Аналогичные процессы идут в различных потоках миграции, связавших Таджикистан и Россию за последние четверть века. Они создают разные паттерны идентичности, которые фактически находятся в общем континууме «евразийскости», однако это слово как рамоч-

ное не используется во многом из-за позиции элит. Общеизвестно, что элиты играют ключевую роль в оформлении, идеологическом конструировании идентичностей. В нашем случае они делают ставку на этнический компонент как базу гражданской идентичности, но такая стратегия успешно реализуется только среди стационарного населения, которое не склонно менять свою идентичность на евразийскую. В то же время мобильное население, мигранты представляют собой транснациональное сообщество, поддерживающее любые интеграционные проекты, которые позволят им легитимизировать свое существование, свою идентичность, жить в мире и с государствами, и со стационарным населением, и с собой.

Миграция и социально-культурная идентичность: пример центральноазиатской трудоу миграции в России

Юлдашева Г.И.

Возрастание миграционных потоков различного уровня, характера и содержания — один из характерных признаков современной глобализации, связанных не только с позитивной динамикой развития человечества, но и с различными вызовами его безопасности.

В этом ряду особое место занимают возросшие за последние десятилетия потоки трудовой миграции населения. В частности, в 2000 г. из 175 млн мигрантов во всем мире 86 млн относятся к трудовым мигрантам [1]. На территории СНГ трудовая мобильность связана, прежде всего, с миграцией из стран Центральной Азии в Россию — около 5 млн всей ЦА миграции [2]. По мнению экспертов, она обеспечивает почти 40% миграционного притока [3]. С этим связывают как позитивные перемены в региональной экономике и рост интеграционных тенденций, так и такие негативные тенденции, как рост преступности, межэтнических конфликтов и пр., что, однако, не снимает с повестки дня и реальную потребность России в трудовых ресурсах — 40 млн человек [4], почти треть от нынешнего населения России.

Как следствие, внимание российского истеблишмента все больше концентрируется на такой позитивной составляющей данного процесса, как возможность посредством регулирования трудовой мобильностью населения интегрировать центральноазиатские республики в Евразийский экономический союз. Более того, распространяются утверждения о де-факто уже сформировавшейся евразийской идентичности народов бывшего советского пространства,

что, предположительно, ускорит интеграцию народов Центральной Азии и России.

Насколько это соответствует нынешним реалиям?

В этой связи в данной статье рассматриваются проблемы социокультурных аспектов адаптации центральноазиатских трудовых мигрантов в России и возможность трансформации их идентичности в евразийскую идентичность.

Гипотезой исследования является процесс формирования евразийской идентичности — длительный неоднородный процесс, зависящий как от эффективности стратегий вовлеченных в процесс миграции стран, так и от степени устойчивости культурных стереотипов у трудового мигранта.

Теоретические предпосылки

Развернувшиеся в последние годы академические дискуссии вокруг проблем миграции не привели к единому подходу в смысле определения самих понятий «миграция», «мигрант». Существует несколько различных классификаций, исходящих из разных критериев. В зависимости от объекта анализа различают подходы в рамках экономических, политических, социологических, культурологических и антропологических теорий. В силу многогранности и сложности изучаемого явления, предпочтение отдается сегодня междисциплинарному подходу, более продуктивному в поисках ответов на наиболее злободневные вопросы современных реалий.

Так, вопросы трудовой миграции выходят из сферы исключительно социологических или культурно-антропологических исследований и изучаются также политической наукой. Последняя рассматривает проблемы трудовой миграции через призму ее возможного влияния на формирование евразийской идентичности в странах СНГ как важный аспект коллективной безопасности Евразии.

Важным трендом в рамках академических исследований, посвященных проблемам миграции, является также растущий интерес к вопросам формирования идентичности и социокультурного обмена в среде мигрантов. Столкновение различных культур, как полагается, формирует новые гибридные формы совместного проживания и идентичности. При этом в центре внимания находятся вопросы о влиянии временной миграции на культурные стереотипы, на развитие этнонациональной и территориальной идентичности.

В целом в основе западных исследований по трудовой миграции лежат сегодня концепции глобализма и транснационализма, где индивид является основным актором, преодолевающим разрыв со старой и формированием новой идентичности. Связь мигранта с «воображаемым сообществом», местом, откуда он прибыл, постепенно слабеет. Происходит переоценка роли и места индивида в прошлом и новом сообществах. В результате идентичность раздваивается между «мы» и «они», приобретает множественный, расплывчатый характер. Существенную роль здесь играют социокультурные предпочтения индивида. Проблема культурной идентичности выражается в осознании человеком своей принадлежности к той или иной культуре, позволяет ему определить свое место в социокультурном пространстве.

В качестве немаловажного фактора, способствующего лучшей адаптации мигранта к новой среде и формированию новой идентичности, западные исследователи отмечают обучение мигрантов [5]. Однако сложности процесса обучения в потенциале способны привести как к позитивным, так и негативным последствиям. К числу негативных последствий исследователи относят влияние субъективизма и предрассудков в социальном дискурсе, в способах взаимодействия факторов образования и занятости при реализации предписываемого политикой курса, что в конечном счете оформляет

и сдерживает возможные идентичности. Мигранты не всегда могут использовать свои предыдущие знания, в то время как обучение не обязательно и не всегда ведет к улучшению ситуации. Между воображаемой и реальной идентичностью может быть существенная пропасть.

В целом, несмотря на ряд общих черт, особенности трудовой миграции, как показывают исследования, отличаются от одной страны к другой и зависят от текущего политического, социально-экономического, культурного и иного контекста.

Чем же отличается в этом плане центральноазиатская трудовая миграция в России?

Наиболее целесообразной в ходе предпринятого по этому поводу исследования видится классическая трактовка понятия «*трудовая миграция*», согласно которой, трудовая миграция — переселение трудоспособного населения из одних государств в другие на различные сроки пребывания, вызванное тяжелым экономическим положением, снижением жизненного уровня, безработицей и падением престижа целого ряда профессий и специальностей.

Общая характеристика

Несмотря на достаточно устойчивый экономический рост, зарегистрированный в Центральной Азии до начала глобального финансового кризиса в 2008 г., в регионе (без учета Туркменистана) число лиц, не имеющих работу, увеличилось на 5%, с 27,2 до 28,5 млн в период с 2002-го по 2008 г. Данные цифры могли только вырасти за истекший период, считают эксперты [6]. В соответствии с этими данными, безработица является основной причиной трудовой миграции в Россию.

Другой особенностью центральноазиатской трудовой миграции является то, что в ней участвуют в основном граждане местной национальности. В частности, в Кыргызстане

преобладают представители титульной нации — 97%, доля остальных национальностей не превышает и 1% [7]. Трудовыми мигрантами становятся преимущественно жители сельских регионов ЦА стран, (большинство населения, более 73%, проживает в сельской местности [8]). Следовательно, они более консервативны, чем жители городов. Данные по религиозному составу отсутствуют, однако абсолютно ясно, что подавляющее большинство их — мусульмане, так как в сельской местности республик ЦА живет в основном местное население, исповедующее ислам.

Что касается количества ЦА мигрантов, то, согласно данным Федеральной миграционной службы (ФМС) РФ, по состоянию на март текущего года на территории России насчитывалось 2,3 млн мигрантов из Узбекистана [9], по другим данным, более 3 млн трудящихся мигрантов в год, большинство из которых — молодежь [10]. В то же время в России находится 1,15 млн таджиков [11] — треть всего трудоспособного населения Таджикистана.

В последние годы происходит тенденция «омоложения» потока трудовых мигрантов в Россию, начиная с 2007 г. возрастная группа от 18 до 29 лет стала преобладать над группой от 30 до 39 лет [12]. При этом поток ЦА мигрантов в Россию сокращается. В частности, согласно данным ФМС РФ, за март 2014 г. число мигрантов из Таджикистана уменьшилось более чем на 23%. Данные по Узбекистану, наоборот, говорят о том, что поток мигрантов из страны потихоньку возрастает и перевешивает потоки из других стран Центральной Азии [13].

Политическая культура как предпосылка к формированию евразийской идентичности

Решающее значение в плане формирования у мигрантов единой идентичности имеет соответствующий уровень их

политической культуры, что особенно важно при нынешних политических условиях развития стран СНГ.

Здесь следует выделить два основных комплекса факторов, ведущих к трансформации политической культуры ЦА народов:

1) факторы, связанные с традиционной культурой, неформальными институтами, ценностями и традициями;

2) факторы, связанные с процессом трансформации политических систем в странах ЦА, включая слабость функционирования институтов и неэффективность законов, трудности экономического перехода, незавершенность образовательных реформ.

Взаимовлияние и взаимодействие этих факторов в условиях глобализации (см. рис.) усиливаются под влиянием внешних факторов (фундаментальное окружение и связанные с этим угрозы, геополитическая напряженность и др.). Логическим результатом такого процесса становится неустойчивость политических убеждений, взглядов, предпочтений и даже верований мигрантов, что определяет каналы и модели их поведения, лежит в основе любой их деятельности.

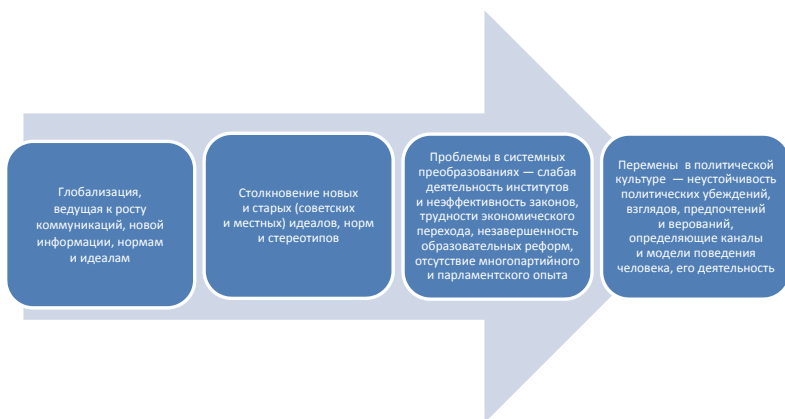

Рис. Перемены в политической культуре

Социально-культурная идентичность: проблемы трансформации

Слабый уровень политической культуры, наряду с факторами, определяющими собственно социально-культурную идентичность центральноазиатских мигрантов, оказывает существенное влияние на процесс формирования у них общей идентичности.

Во-первых, серьезным препятствием на пути формирования новой идентичности является незнание русского языка. Согласно данным исследования, например, всего 53% опрошенных в России кыргызов свободно владеют русским языком, еще 38% могут объясняться [14]. Очевидно, что среди узбекских и таджикских мигрантов, преимущественно сельских жителей, ситуация может быть намного хуже.

Во-вторых, низкий уровень образования среди трудовых мигрантов также не способствует их интегрированию с местным населением. Так, более 60% трудовых мигрантов — неквалифицированные рабочие [15]. В 2010 г. только 14,3% из них имели высшее образование и 23,1% — среднее профессиональное [16].

В-третьих, мигранты, будучи в подавляющем большинстве своем выходцами из сельских местностей, являются носителями традиционной культуры, основанной на идеях исламского шариата, общинности и семейных ценностей. Индивидуализм среди них не приветствуется и относится скорее к разряду исключений, что отличает их от западных мигрантов. Несмотря на количество распавшихся семей среди трудовых мигрантов, в целом ценности, нормы и стереотипы традиционной культуры достаточно устойчивы. Об этом свидетельствует, в частности, образование на территории России этнокультурных анклавов из числа ЦА мигрантов, обособленных от местного общества и пользующихся

собственными социальными и культурными сетями. Сотрудничество с местным обществом ограничено чисто производственными отношениями. Женитьба или замужество за представителя местного сообщества носит фиктивный или редкий, недолговечный характер. Столкновение, по сути, происходит не только по линии городская-сельская культура, но и по линии традиционно-консервативный — вестернизированный образ жизни.

В-четвертых, разумеется, сказывается отсутствие единой социальной и политико-правовой политики в области миграции и недостаточная эффективность предпринятых Россией и странами ЦА мер по упорядочению миграционных потоков.

Последствия трудовой миграции

Таким образом, в связи с вышеизложенным, последствия трудовой миграции носят как позитивный, так и негативный характер.

Негативные последствия:

Потеря Центральной Азией трудовых ресурсов, специалистов высокой квалификации и наиболее активных людей, что, соответственно, лишает регион будущего. В частности, в трудовой миграции из Кыргызстана участвует от 13 до 29% экономически активного населения страны [17].

Рост социальных проблем в ЦА. Выезд за рубеж на заработки стал одним из факторов вступления в ранние браки — 30% холостых таджикских мужчин вступают в брак, 50% мужчин вступают в фиктивный брак «на выезде» [18]. Попытки таким образом привязать мужчину к дому, месту его проживания не всегда успешны, из-за чего растет количество разводов, брошенных жен и детей, проблем со здоровьем и пр.

Рост ксенофобии в России (на работе, в обществе) [19], что отражается в различных притеснениях мигрантов — обмане, низкой заработной плате, вымогательстве при оформлении документов, нападениях и пр. Межнациональная напряженность обостряет конкуренцию на рынке труда, ведет к развитию теневой экономики и преступности.

К этому же ряду можно отнести и выдворение из России за сравнительно незначительные нарушения. Так, для почти 1 млн иностранцев закрыт въезд в Россию за нарушения российского законодательства. При этом среди стран ЦА лидируют: Узбекистан (порядка 40%), Таджикистан (до 20%) и Кыргызстан [20].

Нелегальная миграция. В России, согласно данным ФМС, сейчас живут и работают более 4,3 млн нелегальных мигрантов [21]. Более 80% рабочих мигрантов, согласно данным таджикской миссии Международной организации миграции, работают только на основе неформальных контрактов, то есть устных соглашений с работодателями [22]. Столь высокий процент нелегальных мигрантов, несомненно, является не только показателем низкого уровня образования мигрантов, не способных полностью понять существующие правила и процедуры, но и, главным образом, является показателем недостаточной эффективности действующей миграционной системы России.

Обострение чувства принадлежности к собственной социокультурной идентичности. Трудности адаптации к местной культуре и образу жизни только консолидируют чувство принадлежности к собственной социокультурной идентичности, которая на фоне различных лишений и препятствий приобретает еще большую привлекательность, чем раньше. В частности, 75% таджикских мигрантов, согласно проведенным опросам, были бы рады вернуться в Таджикистан [23], почти все без исключения кыргызы, включая и облада-

телей российских паспортов, мечтают вернуться на родину. Желание остаться в России навсегда выразили лишь 3% респондентов [24].

Позитивные последствия:

Несмотря на все перечисленные трудности, идентичность в процессе центральноазиатской трудовой миграции частично трансформируется. Данная тенденция находится пока в своей начальной стадии, но о возможности ее консолидации в будущем свидетельствуют следующие факты.

Переводы трудовых мигрантов, которые составляют ощутимую долю узбекской экономики — согласно данным Центробанка России, по меньшей мере, 16% [25], согласно данным Международного валютного фонда (2012 г.) — около 15% ВВП республики [26]. Наибольшие поступления в госбюджет поступают в Таджикистане и Кыргызстане: в 2012 г. соответственно на уровне 44% и 31% ВВП [27]. При этом с намечающимся увеличением потока мигрантов из Узбекистана данная тенденция может только усилиться.

Улучшение материального благосостояния мигрантов. В частности, почти 60% опрошенных в Кыргызстане отметили, что трудовая миграция позволила им улучшить материальное положение семьи [28].

Расширение социальных сетей и посредников. Как показывают исследования, большинство трудовых мигрантов из Центральной Азии в России сейчас устраиваются на работу через именно социальные сети и частных посредников. Очевидно, что количество и качество их деятельности с приобретением опыта должны постепенно улучшаться.

Проведение амнистии. Со своей стороны Федеральная миграционная служба России поддержала проведение амнистии для мигрантов, въезд которых на территорию страны был запрещен. К настоящему времени 1 036 человек выведены из

«черного списка» [29], ужесточение правил въезда больше не ожидается. Напротив, предпринимаются такие меры, как создание в Москве мест специального учреждения для временного содержания иностранных граждан на 1 000 мест.

Совершенствование системы тестирования мигрантов с помощью правительственных и неправительственных учреждений. Одним из новшеств в этом плане является то, что экзамены для мигрантов будут переводиться на родные им языки.

Совершенствование законодательной и институциональной базы. Начиная с закона «О миграционном учете», принятого в России в 2007 г., разрабатываются новые законодательные акты и положения, свидетельствующие о начале движения к созданию общего рынка труда в СНГ и гарантирующие мигрантам свободу передвижения и трудоустройства, социальную защищенность. В июне 2010 г. была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. При этом «Большое значение придается содействию адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом» [30].

С той же целью были запущены в действие различные программы неправительственных учреждений, в частности ОО «Центр по правам человека» по правовой защите трудящихся мигрантов из Таджикистана в России. В 2010 г. стартовала первая фаза, в апреле этого года — вторая фаза Региональной программы по миграции в Центральной Азии, которая продлится до 2015 г. и будет нацелена на способствование сокращению бедности в странах Центральной Азии через усиление позитивного эффекта миграционных процессов. Одновременно функционирует Региональный форум на тему «Эффективность средств правовой защиты трудящихся

мигрантов и членов их семей из Центральной Азии в странах назначения» (Душанбе 18—19 сентября с.г.).

* * *

Таким образом, процесс трансформации и формирования общей идентичности в условиях глобального мира носит длительный и неоднозначный характер, зависимый от множества переменных.

В отличие от западных моделей миграции, центрально-азиатская трудовая миграция носит более стихийный, неорганизованный характер. В ней участвует преимущественно сельское население стран ЦА, что накладывает свой отпечаток на происходящие перемены в сфере региональной идентичности. Другой особенностью, в противовес западному индивидуализму, является доминирование в центральноазиатской среде коллективистских, традиционных начал. Отсюда относительная устойчивость местной социокультурной идентичности, ассоциируемой больше с местом проживания, с домом и семьей.

Тем не менее, судя по приведенным данным, можно также говорить о происходящей ломке идентичности у части мигрантов и наличии у некоторых из них двойственной идентичности, ассоциируемой с местом происхождения и новым местом проживания.

Принося ощутимый доход в экономику стран ЦА, трудовая миграция способствует сохранению социально-экономической стабильности и прочной взаимосвязи между экономиками России и Центральной Азии. К тому же, длительное проживание и работа вдали от дома стимулируют частичную ассимиляцию с местным населением, повышение общего образовательного и мировоззренческого уровня, тем более что поток трудовой миграции из стран ЦА не спадает и носит стабильно устойчивый характер.

Дальнейшее упрочение таких тенденций и, следовательно, связанный с этим процесс формирования общей евразийской идентичности требуют длительного времени и во многом зависят от:

- 1) успехов в разработке и осуществлении единой евразийской миграционной политики, основанной на универсальных принципах международной морали и поведения;
- 2) общего политического контекста, на фоне которого протекают данные процессы;
- 3) успехов в обучении и адаптации мигрантов к новой среде.

Литература

1. Kabakchieva, P. Crossing Borders: Changing Roles, Changing Identities (Temporary Migration as a Form of Socio-Cultural Exchange in the Enlarged EU) // <http://www.cas.bg>.
2. ФМС России поддержала «разовую и кратковременную» амнистию для нелегальных мигрантов // <http://migrant.ferghana.ru>. — 25.09.2014; <http://www.zpress.kg>.
3. Зайончковская Ж. Миграция в современной России // <http://russiancouncil.ru>. — 14, 16.04.2013.
4. Мозжерова М. Трудовая миграция из Средней Азии в Россию: мифы и реальность // <http://www.apn.ru>; <http://www.apn.ru>. — 15.02.2013.
5. Morrice, L. The Learning Migration Nexus: Towards a Conceptual Understanding // *European Journal for Research on the Education and Learning of Adults*. — Vol. 5. — No. 2. — 2014. — Pp. 149—159; <http://www.rela.ep.liu.se>.
6. Peleah, M. Концепция аналитической публикации «Миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии» // <https://undp.unteamworks.org>. — 03.04.2014.
7. Разработка концепции миграционной политики Кыргызской Республики // Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики // <https://www.auca.kg>. — 2013.
8. Мозжерова М. Трудовая миграция из Средней Азии в Россию: мифы и реальность...

9. Садыков М. Меньшинства стремятся воспользоваться новым порядком получения гражданства // <http://www.centrasia.ru>. — 11.07.2014.

10. Русский язык и миграционные процессы в Центральной Азии // CA-News // <http://www.islamsng.com>. — 24.07.2014.

11. Tajik Migrants with Re-entry Bans to the Russian Federation // International Organization for Migration. Mission in the Republic of Tajikistan // <http://www.iom>. — 2014. — P. 5.

12. Рязанцев С., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из Центральной Азии в Россию: трудовая миграция в цифрах, фактах и лицах // Институт социально-политических исследований РАН, Центр социальной демографии и экономической социологии, Университет Тояма, Центр дальневосточных исследований. — Москва — Тояма, 2010 // <http://www.ryazantsev.org>.

13. Полетаев Дм. Мигранты из Кыргызстана для России более привлекательны // ЦМИ, 30.06.2014 // <http://inozpress.kg>. — 28.07.2014.

14. В России впервые провели соцопрос среди мигрантов из Кыргызстана // Белый парус // <http://www.zpress.kg>. — 23.09.2014.

15. Малева Т. Москва транслирует мигрантофобию на всю страну // <http://www.gazeta.ru>. — 19.10.2014.

16. Зайончковская Ж. Миграция в современной России...

17. Региональный миграционный отчет: Россия и Центральная Азия / Под ред. Бартоломео ди А., Макарян Ш., Вейнар А. Центр миграционной политики, Исследовательский центр им. Р. Шумана, Европейский университетский институт, 2014 // <http://cadmus.eui.eu>.

18. Полетаев Дм. Взаимосвязь трудовой миграции в Россию с ранними браками и разводами в странах Центральной Азии. — М.: Региональная общественная организация, Центр миграционных исследований при поддержке ООН Женщины. — 2013, февраль // <http://www.migrocenter.ru>.

19. Трудовой мигрант: защитить нельзя атаковать // <http://www.zpress.kg>. — 24.09.2014.

20. Для 1 млн граждан Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана въезд в страну закрыт // <http://focus.kg>. — 24.09.2014; <http://www.zpress.kg>.

21. В России начинается охота на нелегальных мигрантов // Известия-Казахстан // <http://news.gazeta.kz>. — 25.09.2014.

22. Tajik Migrants with the Re-entry Bans to the Russian Federation. — P. 16.
23. Ibid. P. 24.
24. 97% мигрантов из Кыргызстана планируют вернуться на Родину // <http://www.zpress.kg>. — 09.09.2014.
25. Садыков М. Меньшинства стремятся воспользоваться новым порядком получения гражданства...
26. Денежные переводы мигрантов в экономику республик Центральной Азии // <http://berlek-nkr.com>. — 23.07.2014.
27. Peleah, M. Концепция аналитической публикации «Миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии»...
28. Разработка концепции миграционной политики Кыргызской Республики...
29. Ажыматов З. Мигрант: В списках ФМС РФ не значит-ся? // <http://rus.azattyk.org>. — 10.09.2014.
30. Зайончковская Ж. Миграция в современной России...

Вопросы социальной безопасности в политических диспутах в Кыргызстане

Кушкумбаева А.Ж.

Социально-политическая ситуация в Кыргызстане имеет свою динамику, которая отличает республику от ее соседей по региону. Активность внутриполитическим процессам придает как парламентская, так и внепарламентская оппозиция. Острые политические дебаты и нередко популистские заявления, звучащие в парламенте и вне его стен, серьезно сказываются в целом на эффективности исполнительной ветви власти. В этих условиях правительству страны сложно принимать не популярные, но зачастую необходимые меры по решению социально-экономических и бюджетных проблем.

При этом для многих кыргызских политиков наиболее апробированным методом решения политических вопросов традиционно являются митинги, пикеты, демонстрации зачастую с призывами к «революции».

Как известно, тренд в этом задавали сторонники осужденных в свое время членов «Ата Журта» с требованиями освобождения своих лидеров и национализацией месторождения «Кумтор», а также неудовлетворенный политическим раскладом после 2010 г. А. Бекназаров со своими сторонниками из движения «Эл уну» (Глас народа), также пытающийся использовать резонансный в обществе вопрос Кумтора.

Из-за политизации конфликтов горнодобывающую отрасль Кыргызстана как одну из ключевых для пополнения бюджета республики постоянно лихорадит.

Таким образом, правительство Д. Оторбаева унаследовало ряд старых и столкнулось с новыми вызовами. Вместе с тем немаловажно, что в настоящее время идея захвата власти как радикального способа решения социально-политических

проблем находит все меньшее число сторонников в обществе. К числу позитивных изменений можно отнести то, что формирующаяся политическая система сделала публичным существующий механизм регулирования властных отношений в стране.

Тем не менее, как отмечалось, парламентские политики зачастую также подогревают социально-политическую ситуацию. Нередко можно наблюдать, как кыргызские политики состояются в «смелости», по сути, радикальности озвученной позиции.

Популистские высказывания — один из эффективных способов заявить о себе в среде действующих политиков и части экспертного сообщества. «Необходимо национализировать имущество “Кумтора”», — высказал свое мнение «независимый эксперт» И. Кадырбеков 6 июня 2014 г. на заседании фракции «Ата Мекен» в парламенте КР. По его словам, не стоит опасаться того, что канадские инвесторы подадут иск в международный арбитраж, поскольку «национализация соответствует нормам международного права». В свою очередь, глава фракции О. Текебаев заявил о том, что некоторые общественные и государственные деятели Кыргызстана лоббируют интересы канадской стороны в вопросах, касающихся золоторудного предприятия [1].

Важнейшим внутри- и внешнеполитическим вопросом остается вхождение республики в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Правительство Кыргызстана в рамках широкомасштабной информационной кампании по вступлению в объединение обозначило преимущества вступления республики в это объединение.

В частности, речь идет о следующих преимуществах:

1. Возникновение условий в Кыргызской Республике для создания зоны эффективного сельскохозяйственного производства для стран ТС.

2. Развитие приграничной торговли, сдерживаемой ранее наличием таможенного контроля, будет способствовать созданию новых рабочих мест, увеличению денежных доходов населения, улучшению транспортной, жилищной и социальной инфраструктуры на местах.

3. Возникновение дополнительных стимулов для роста объема инвестиций, так как для инвесторов откроется огромный рынок без пошлин и барьеров, в том числе и для стран-партнеров из дальнего зарубежья.

4. Стимулирование производственного сектора экономики.

5. Реанимация промышленного производства, интерес у инвесторов к открытию производства на территории КР (в частности, у Китая) в связи с расширением растущего рынка сбыта (Россия — Казахстан — Беларусь).

6. Приведение правил таможенного администрирования в соответствие с нормами ТС с применением таможенного оформления по стоимости товара, а не по его весу может дать существенное повышение доходов госбюджета.

7. Дополнительная мотивация для решения вопросов, связанных с укреплением государственных границ [2].

Все указанные правительством Кыргызстана потенциальные преимущества неоднозначны. Реализация указанных возможностей — в реальности не простая задача.

По мнению заместителя министра экономики КР Д. Ибраева, «...нас ждет жесткая конкуренция в Таможенном союзе, но если приспособимся, мы будем инвестиционно-привлекательными и в нас будут вкладывать». При этом, по словам Д. Ибраева, страна будет добиваться изъятия на определенные товары и товары, которые можно отследить. В частности, по ввозу автомобилей КР будет добиваться попадания в список изъятий [3].

«Вхождение нашей страны в Таможенный союз неизбежно», — заявил лидер фракции «Ата Мекен» О. Текебаев

5 июня 2014 г. Кыргызский политик считает, что вхождение страны в ТС также продиктовано геополитической обстановкой в мире. «Есть свои минусы и плюсы от нашего вхождения. Да, цены на импортируемые товары повысятся, однако та пошлина, которая будет взиматься за ввоз товара на территорию страны, будет поступать в республиканский бюджет. Мы должны их оптимально использовать, не допуская разворовывания, тогда они будут направлены на развитие регионов и повышение заработной платы», — сказал О. Текебаев. Он добавил, что вхождение в ТС также является предпосылкой для улучшения положения кыргызстанских трудовых мигрантов. По мнению депутата, впоследствии интеграции с соседними государствами также будет решен вопрос границ, товары, произведенные в Кыргызстане, будут свободно поставляться в другие страны. «Если условия, поставленные Кыргызстаном, не были бы учтены, я бы не стал голосовать за вхождение в ТС», — заключил лидер «Ата Мекена» [4].

Небезынтересна точка зрения депутата парламента от партии «Ар-Намыс» Д. Бекешова. Он считает, что «в кыргызстанском обществе сложилось мнение, что вхождение в Таможенный союз решенный вопрос. Большинство граждан открыто говорят, что это решение было за президентом, а парламенту лишь осталось формализовать его решение. И в этом граждане правы». При этом депутат подчеркивает, что «решение о вхождении в Таможенный союз является достаточно дальновидным». Он считает, что «интеграция на первых этапах тяжела: непонятно, как переформатировать свой бизнес, что будет с социально уязвимыми гражданами, как этот процесс отразится на бюджетниках. Но примерно через три года, мне кажется, ситуация должна выправиться» [5].

Кыргызское общество и политики противоречиво оценивают деятельность ЕАЭС. В общественном мнении устойчив взгляд, что произойдет резкое подорожание цен на продукты

первой необходимости, о чем постоянно говорит экспертное сообщество страны.

По мнению кыргызских экспертов, Кыргызстан серьезно отстает от трех стран — членов ТС по уровню экономического развития. Так, объем ВВП в Беларуси по сравнению с Кыргызстаном выше почти в 10 раз, в Казахстане — более чем в 30 раз и в России — в 311 раз. Производство ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) в Беларуси выше показателя Кыргызстана примерно в 6,6 раза, в Казахстане — в 5,8 раза и в России — в 7,5 раза [6].

При вступлении в ЕАЭС Кыргызстану будет необходимо выполнить ряд условий, чтобы обеспечить создание единого рынка товаров и услуг, проведение согласованной тарифной политики.

Присоединение Кыргызстана к Соглашению о согласованной макроэкономической политике от 9 декабря 2010 г. потребует выполнения ряда количественных параметров, в том числе: обеспечение дефицита госбюджета на уровне не выше 3% от объема ВВП; уровень госдолга — не выше 50% ВВП; обеспечение низкого уровня инфляции. В то же время, исходя из состояния экономики Кыргызстана, резко улучшить положение по первым двум параметрам (дефициту госбюджета и уровню госдолга) будет крайне сложно. На это понадобится несколько лет [7].

Распределение выгод среди членов интеграционного объединения может быть весьма неравномерным. Если не уменьшить неравномерности и дисбаланс, то более развитые страны имеют тенденцию получать больше выгод от более емкого рынка ТС, чем менее развитые страны. Точно так же крупные транснациональные компании могут получать больше выгод от рынка ТС, имея больше возможностей для организации своих кооперационных связей, производственных и снабженческих сетей, чем малые и средние по размеру

компании, которые, как известно, преобладают в Кыргызстане [8].

Как отмечают кыргызские экономисты, у республики имеются три основных источника твердой валюты — кредиты и гранты международных финансовых институтов, экспорт золота с месторождения «Кумтор» и денежные переводы трудовых мигрантов из России, которые предпочитают осуществлять их в долларах. В Кыргызстан в 2013 г. было переведено около 2 млрд долл. Падение курса рубля в 2014 г. привело к сокращению долларовых переводов от мигрантов, что негативно влияет на национальную валюту — сом. Как известно, после серии девальваций в странах ТС/ЕАЭС курс кыргызского сома также стал ощутимо снижаться [9].

Вне всякого сомнения, социально-экономические проблемы в КР имеют долговременный характер и обусловлены сложившейся структурой экономики и характером торгово-экономических связей.

В КР хронический характер носит вопрос дефицита бюджета и растущий внешний долг. На середину 2014 г. внешний долг Кыргызстана составлял 3 млрд 241 млн долл., или 44,4% ВВП. 30 мая 2014 г. заместитель председателя комитета по бюджету и финансам парламента Кыргызстана К. Дыйканбаев, сообщив о размере внешнего долга, отметил, что последние четыре года долг ежегодно возрастает на 100—200 млн долл. [10].

Кроме того, по мнению экс-министра финансов КР А. Жапарова, при вступлении Кыргызстана в Таможенный союз бюджет страны не досчитается доходов от НДС. По его словам, товарооборот между Россией и Кыргызстаном составляет 3,5 млрд долл. «Если умножить товарооборот на ставку НДС — 12%, то бюджет страны недополучит 350—400 млн долл. Правительство должно быть готово к повышению цен. При вступлении в ТС необходимо было создать резерв, но за

четыре месяца 2014 г. невыполнение доходной части бюджета составляет 1,6 млрд сомов», — сказал он [11].

Созданное в феврале 2014 г. объединенное оппозиционное движение предлагало вынести на референдум вопрос вступления Кыргызстана в Таможенный союз. В декларации, принятой 26 февраля 2014 г., было заявлено, что «движение поставило перед собой следующие планы:

- противостояние президентской власти, что означает ограничение полномочий;
- создание демократичной страны, где сейчас снова установился авторитарный режим;
- поддержку и укрепление парламентаризма;
- восстановление баланса ветвей власти;
- создание сильной местной власти».

Кроме того, оппозиция намерена требовать от правительства следующее:

- не выступать адвокатом Centerra Gold Inc.;
- вынести на референдум вопрос о вступлении в Таможенный союз;
- повышение размера налоговых сборов только после обсуждения с общественностью [12].

В движение вступили экс-депутат от парламентской фракции «Ата Журт» К. Ташиев, лидер политической партии «Улутгар биримдиги» М. Мырзакматов, О. Суваналиев, А. Медетбеков, председатель партии «Асаба» С. Дыйканов, лидер политической партии «Эркин эл» М. Аскарбеков, лидер партии «Чындык» К. Кадыров и экс-министр иностранных дел А. Джекшенкулов, экс-омбудсмен Т. Акун. Позднее, кроме названных политиков, в движение вошли депутат от парламентской фракции «Ата Журт» Н. Нарматова, депутат парламента О. Абдрахманов, экс-генеральные прокуроры К. Байболов и А. Бекназаров и др.

Состав показателен, традиционно оппозиционные коалиции формируются из числа бывших чиновников. По словам Р. Жээнбекова, цель оппозиционного движения: укрепление парламентаризма, установление демократии, децентрализация и проведение реформ.

Примечательно выступление депутата кыргызского парламента О. Абдрахманова: «Украина идет с нами параллельно, но они борются за идею и демократию, а мы — за место президента. Нам тоже нужно бороться за идею и демократию, если же кто-то вознамерится занять место президента, тогда ничего не получится» [13].

Социальная безопасность Кыргызстана остается уязвимой накануне вхождения республики в ЕАЭС. Тем не менее, несмотря на относительно большое количество протестных митингов, используемых оппозицией как средство давления на правительство, неоднозначно, что социально-экономические трудности могут вновь повлечь дестабилизацию обстановки в ближайшей перспективе.

Это обусловлено усталостью и опасениями большей части населения новых переворотов, не дающих в итоге улучшения социально-экономического положения в стране. В целом гражданский сектор и оппозиция имеют легитимную возможность посредством публичных акций, прессы, иных каналов воздействия на представительные и исполнительные органы донести свое мнение. Несмотря на активность радикальных политиков, готовых к новым переворотам, они еще не имеют критической социальной поддержки, как это было весной 2005 и 2010 гг.

Немаловажным фактором является частичная деперсонализация власти в настоящее время, в отличие от периодов Акаева и Бакиева, когда президент и его клан олицетворяли всю власть страны. В отличие от этого периода, в настоящее время чаще всего ни президент является объектом критики, а

зачастую правительство, его глава и/или члены, а также парламент и партийные фракции в нем.

При этом значительные полномочия Жогорку Кенеша и депутатов нередко оборачиваются тем, что члены парламента лоббируют личные или групповые интересы, вовлечены в острую межпартийную борьбу, что серьезно сказывается на деятельности правительства. В условиях сравнительно свободной и активной прессы, широкого освещения этих процессов, подобная деятельность парламентариев не может не вызывать растущее общественное разочарование. Поэтому зачастую тактическая неспособность правительства ощути-мо улучшить социально-экономическую ситуацию и эффективно осуществлять свои функции обусловлена также этими причинами.

Литература

1. В Киргизии оппозиция вновь заявляет о необходимости национализации «Кумтора» // <http://www.for.kg>.
2. Правительство сообщает о преимуществах вступления Кыргызстана в ТС // <http://pda.kabar.kg>.
3. Данил Ибраев: При вхождении в ТС нас ждет жесткая конкуренция // <http://www.vb.kg>.
4. О. Текебаев: Если бы условия, поставленные Кыргызстаном, не были учтены, я бы не стал голосовать за вхождение в Таможенный союз // <http://www.kabar.kg>.
5. Кыргызский депутат: Правительство не объясняет, а обвиняет. Это опасно // <http://www.stanradar.com>.
6. Перспективы участия Кыргызской Республики в Евразийском экономическом союзе: плюсы и минусы // <http://www.nisi.kg>.
7. Там же.
8. Там же.
9. Киргизский сом дешевет в замедленном темпе // <http://www.dw>.
10. В долгах как в шелках. Сколько и кому должен Кыргызстан // <http://news.invest.kz>.
11. <http://tazabek.kg>.

12. Оппозиция предлагает вынести вопрос вступления КР в ТС на референдум // <http://www.vb.kg>.

13. В Кыргызстане оппозиция намерена разработать и представить альтернативную стратегию развития страны // <http://news.ivist.kz>.

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ МИГРАЦИИ

Миграционная ситуация в Республике Казахстан

Саинов С.С.

Уважаемые коллеги!

В сфере реализации государственной миграционной политики, на Министерство внутренних дел были возложены функции борьбы с незаконной миграцией, контроля над внешними и внутренними миграционными процессами.

Для выполнения поставленных задач нами принимается комплекс организационных и практических мер по усилению миграционного контроля.

Ежегодно миграционной полицией регистрируется более миллиона иностранцев. Еще шесть-семь миллионов иностранцев, въезжающих в Казахстан, не подлежат регистрации в органах внутренних дел (пребывающие в стране менее 5 дней граждане России и Беларуси, прибывшие на срок менее 30 дней, граждане 48 стран, регистрация которых производится Погранслужбой в пунктах пропуска через госграницу, инвесторы).

Из общего числа зарегистрированных почти миллион — это граждане стран СНГ, в том числе около 400 тысяч — граждане Узбекистана, 200 тысяч — России и 100 тысяч — Кыргызстана. Среди стран дальнего зарубежья большинство составляют граждане Китая (70 тыс.) и Турции (50 тыс.). Наибольшее количество иммигрантов зарегистрировано в г. Алматы, Алматинской, Южно-Казахстанской и Мангистауской областях, а также в г. Астане.

В Казахстане постоянно проживают 165 тыс. иностранцев, большинство из них — граждане России (65 тыс.), Узбекистана (40 тыс.), Кыргызстана (14 тыс.), из дальнего зарубежья — Турции (2,4 тыс.) и ФРГ (1,8 тыс.).

Треть постоянно проживающих иностранцев (52 тыс.) — это оралманы, еще не принявшие гражданство Казахстана.

Такова вкратце миграционная ситуация в стране.

За последние годы был принят ряд законодательных актов по вопросам миграции, практически заново сформирована нормативная правовая база, регулирующая общественные отношения в этой сфере.

В августе 2011 г. вступил в действие закон «О миграции населения», которым определяются правовые, экономические и социальные основы миграционных процессов.

Одновременно были внесены изменения и дополнения в законы «О правовом положении иностранцев», «О гражданстве», Кодекс об административных правонарушениях и Трудовой кодекс, а также ряд других законов (всего 12 законов), регламентирующих вопросы миграции.

В 2013 г. были приняты законы «О документах, удостоверяющих личность» и «О персональных данных и их защите». Также были разработаны более двадцати подзаконных нормативных правовых актов.

При реализации миграционной политики государства основной задачей органов внутренних дел является выявление и пресечение нелегальной миграции.

Совместно с Комитетом национальной безопасности была налажена эффективная система контроля пребывания иммигрантов с использованием Единой информационной системы. С ее помощью осуществляется персональный учет всех иностранцев. Это позволяет в режиме реального времени отслеживать информацию об их въезде, регистрации, целях пребывания и выезде из страны.

Ежегодно нами выявляется около 100 тысяч нарушений правил пребывания. Большинство из них приходится на граждан Узбекистана (около 70 тыс.), а также России (15 тыс.) и Кыргызстана (7 тыс.). До 4 тысяч злостных нарушителей выдворяются из Казахстана с запретом на въезд в страну в течение пяти лет.

Принимаемые меры положительно сказываются на уровне преступлений со стороны иностранцев. В структуре преступности на них приходится менее 1% преступлений, большинство — это кражи, грабежи и наркопреступления.

Одновременно для легально пребывающих иностранцев миграционные процедуры последовательно упрощаются. Облегчен порядок получения виз для граждан 48 экономически развитых и социально-стабильных стран мира. Их регистрация оформляется одновременно с пересечением границы, приходиться для этого в миграционную полицию нет необходимости.

Упрощен порядок пребывания в рамках Единого экономического пространства. Граждане России и Беларуси освобождены от регистрации в течение 30 суток со дня въезда. Кроме того, для трудящихся мигрантов из этих стран не требуется квота и разрешение на работу.

В сети Интернет создан визовый миграционный портал, который пока работает в тестовом режиме. С его помощью любой гражданин, имеющий электронную цифровую подпись, может зарегистрировать иностранца, прибывшего к нему в гости — для этого достаточно зайти на сайт электронного правительства, ввести свой ИИН и данные об иностранце.

Также отработывается механизм электронной регистрации иностранных туристов — по заявкам гостиниц и туристических фирм. В дальнейшем такой порядок планируется распространить и на другие категории иностранцев.

В соответствии с поручением Главы государства в июле текущего года был введен безвизовый режим въезда и пребывания для граждан десяти основных стран-инвесторов. Вместе с тем, безвизовый въезд может создать определенные трудности. После въезда в страну контроль их пребывания будет затруднен. В результате заинтересованные государственные органы (правоохранительные, налоговые органы, ведомства по труду, по делам религий и т.д.) не будут обладать информацией о местах пребывания граждан этих стран.

Это обусловлено тем, что законодательством ответственность за регистрацию иностранцев возложена на граждан и организации, которые их пригласили или принимают. Лица, прибывшие без виз, естественно, никем не приглашались, проживать в большинстве случаев они будут в гостиницах, которые не являются принимающей стороной и не несут ответственности за регистрацию и обеспечение своевременного выезда за границу проживающих у них граждан.

В этой связи был разработан проект закона, которым законодательно закрепляется обязанность юридических лиц информировать органы внутренних дел о проживающих у них иностранцах.

Уважаемые коллеги!

В среднесрочной перспективе особого внимания требуют вопросы трудовой миграции.

В соответствии с соглашениями, заключенными в рамках Единого экономического пространства, граждане России и Беларуси могут работать в Казахстане без квот и разрешений.

Как Вы знаете, в декабре 2013 г. были приняты поправки в законодательство, которыми упрощен порядок привлечения иностранцев из стран Центральноазиатского региона для ра-

боты в домашнем хозяйстве граждан, ремонта и строительства личного жилья.

Это позволяет вывести из тени значительное количество нелегальных трудовых иммигрантов и, соответственно, повысить эффективность контроля их пребывания. Кроме того, для профилактики правонарушений с их стороны по инициативе МВД было предусмотрено ведение дакто- и фотоучетов этой категории иностранцев.

Кроме того, полиция будет информировать налоговые органы о выданных разрешениях, что позволит вести мониторинг полноты уплаты трудовыми иммигрантами положенных налогов.

При этом законодательство дополнено нормой, предусматривающей запрет на въезд в Республику Казахстан, если в период предыдущего пребывания иностранцем не была представлена декларация по индивидуальному подоходному налогу.

На сегодняшний день органами внутренних дел выдано более 65 тысяч разрешений для осуществления трудовой деятельности иммигрантами у физических лиц.

Полагаем, что изменения, внесенные в законодательство, помогут осуществлять более эффективный учет иммигрантов, а самим иностранцам работать в Казахстане на законных основаниях.

Благодарю за внимание!

Влияние миграции в Москву на изменения российского законодательства

Московский Ю.В.

Ситуация в столице России всегда оказывала влияние на законодательство всей страны. Да иначе и быть не может. Правительство просто обязано реагировать на происходящее в столице, где, в силу российской специфики, сосредоточены колоссальные людские и материальные ресурсы. Это касается всех сфер жизни страны, в том числе миграционных процессов и тесно связанных с ними межнациональных отношений. Можно смело сказать, что миграционные процессы оказали значительное влияние на историю России XX в., играя решающую роль во внутривластных и социальных процессах.

Начавшаяся с середины XIX в. запоздавшая и искусственно сдерживаемая урбанизация набирала обороты, оказывая влияние на все сферы жизни Российской империи. Стремительно росли города, и набирающая мощь буржуазия, крайне нуждающаяся в рабочих руках, требовала отмены паспортной системы, свободы передвижения по стране столь же настойчиво, как за столетие до этого требовала передать им крестьян в «крепость». Нельзя же забывать, что именно на крепостном труде заводских рабочих и была основана мощь промышленной империи Демидовых, именно крепостному труду была обязана Россия тем, что в XVIII в. по производству стали обогнала Англию.

Но времена изменились. Свободный рабочий стал гораздо выгоднее, к тому же стремительный рост населения империи способствовал тому, что массы пришли в движение, изменяя саму социальную структуру общества, которому стали тесны рамки сословной-феодальной, а фактически кастовой систе-

мы, пережитки которой мы до сих пор наблюдаем в нашем обществе.

В результате в страхе перед возможным крестьянским восстанием и под давлением «прогрессивной» части общества (понимавшего лучше охранителей опасность крестьянской войны), крепостное право было все же отменено, но реально свобода передвижения для подданных Российской империи отсутствовала, что, впрочем, не мешало перемещению огромных, по тем меркам, масс людей.

Если в конце XIX в. в Москве проживало чуть более 1 млн человек (1 040 тыс. по переписи 1897 г.), то к середине 1917 г. в столице проживало уже более 2,5 млн человек.

Такой стремительный рост был связан как с экономической ситуацией, которая требовала рабочих рук на заводах и в иных сферах жизни, так и с общей ситуацией в стране. Шла война, и поток беженцев из западных губерний, вкуче с выздоравливающими и запасными полками, буквально заполнил крупные города. Правительство ничего не могло с этим поделать — ресурсы для содержания этих людей были только в крупных центрах.

И эти люди, вырванные из привычной среды и маргинализированные, впоследствии также внесли свой вклад в кажущуюся мгновенной радикализацию общества в 1917 г. Мало кто помнит, что одним из основных требований, тесно связанным с бизнесом («буржуазией»), демократического движения к царскому правительству было введение свободы передвижения. Февральская революция эту свободу дала, тем более что механизма воспрепятствовать ей у разваливающегося на глазах государства уже не было.

После стремительного уменьшения численности населения Москвы в результате кризиса 1918—1921 гг. до чуть более 1 млн человек (1,5 млн в массе своей просто на это время «разъехалось» по своим родственникам в деревни — вспо-

ните хотя бы литературные произведения и мемуары — того же «Доктора Живаго»), столица вновь начала расти.

Попытки Советской власти воспрепятствовать все набирающему мощь хаосу вылились в введение сначала системы все более ужесточавшейся регистрации, а потом и вовсе привели к введению паспортов, что еще больше клеймилось позором как страшнейший пережиток царизма. Кстати, одним из консультантов при введении этого «новшества», по легенде, выступил бывший «товарищ министра» (заместитель) Внутренних дел Российской империи Владимир Фёдорович Джунковский — опыт профессионалов часто бывает востребован.

Но требования индустриализации, как и общий рост населения (в РСФСР в 1927 г. было 87 млн человек, к 1938 г. — уже 110 млн, а в 1897 г. на этой территории проживало около 69 млн — прошу не путать с территорией всей империи, где жили на тот момент 127 млн подданных, из которых к великороссам было отнесено переписчиками 56 млн), привели к тому, что, невзирая на все выставляемые препоны, население столицы с окрестностями к середине 1941 г. выросло практически до 5 млн, а всего городское население СССР выросло почти на 20 млн человек.

Каждые десять лет Москва в среднем росла на 1 млн. И по переписи 1989 г. население столицы перевалило за 8 млн человек. В очередной раз подтвердились слова о том, что «жесткость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. Так что все попытки правительства сдержать рост населения Московского региона не приводили к особым успехам.

Проиллюстрирую это утверждение фактами. Если в 1897 г. в Москве и Московской губернии проживало 2,5 млн человек (при наличии паспортов), то в 1989 г. на той же территории проживало уже около 15 млн (опять же действовал режим

прописки). В целом же население РСФСР в 1989 г., согласно переписи, насчитывало 147 млн человек.

Осознание неэффективности запретов привело к тому, что правила прописки-регистрации-учета все более смягчались. Однако необходимо отдать должное — в определенный момент ограничительные меры сыграли свою положительную роль, хоть как-то сдержав крестьянский (да и беженский во время Великой Отечественной войны и голодовок 1930-х гг.) поток в столицу и перенаправив его в другие города. Негативный опыт Российской империи был учтен в СССР.

И, тем не менее, когда в 1950-х гг. попытались крайне ужесточить прописку в Москве, то, как вспоминала, например, известный демограф и ученый Жанна Антоновна Зайончковская, ничего из этого не вышло. Она, будучи еще молодой аспиранткой, как раз занималась этой проблемой. По ее словам, если в первый год после введения этой меры численность прописывающихся в Москве упала вдвое — до 56 тыс. человек, то потом она вновь выросла и весьма значительно, «добрав» тех, кто не смог попасть в Москву в год ужесточения. В 1992 г. режим «прописки» в Российской Федерации был отменен и заменен «регистрацией». И в настоящее время на территории Московского региона живут около 20 млн (при том что рост сдерживается ценами на жилье). Итоговый восьмикратный рост за 120-летний период.

И это при том, что население самой Москвы за тот же период выросло в 12 раз, области — почти в 5 раз, а население, проживающее на территории, которая ныне называется Российской Федерация, выросло в целом более чем вдвое — с 68 млн до 145—150 млн (точные цифры назвать весьма сложно — согласно переписи, 145 млн, но, как считают эксперты, несколько миллионов приезжих-мигрантов, в т.ч. и иностранных, из-за необязательности переписи переписчики «просто не посчитали»). Такой рост численности, кстати, свидетель-

ствует о колоссальной жизненной силе русского народа и других народов, проживающих на территории России, опровергая алармистские настроения и сценарии.

Численность населения Москвы в различные годы (тыс. чел.)

1 810	1 835	1 860	1 863	1 885	1 897	1 910	1 914	1 920
260	340	360	463	800	1 040	1 500	2 119	1 027

1 926	1 933	1 939	1 959	1 970	1 979	1 989	2 002	2 010
2 025	3 663	4 542	2 139	6 942	7 831	8 769	10 383	11 514

Положение с миграцией в Санкт-Петербурге (Ленинграде) обстоит схожим образом, хотя, в силу ряда причин, темпы роста «второй столицы России» по сравнению с Москвой гораздо ниже.

Численность населения Санкт-Петербурга (Ленинграда) в различные годы (тыс. чел.)

1 725	1 750	1 800	1 811	1 863	1 888	1 897	1 914	1 920
75	150	300	336	540	1 000	1 265	1 763	722

1 926	1 936	1 939	1 944	1 959	1 970	1 979	1 989	2 002	2 010
1 614	2 740	3 191	546	2 900	3 513	4 073	4 460	4 661	4 849

Стоит отметить, что власти Москвы в лице тогдашнего городского главы Юрия Лужкова постоянно, начиная с начала 1990-х гг., ставили вопрос относительно введения ограничения проживания в Москве приезжих. Причем изначально речь не шла об иностранных рабочих, вопрос в первую очередь касался именно внутренней миграции. Однако в то время правительство России категорически выступало против

этих мер, по-видимому, скрывая за общедемократической риторикой и декларацией приверженности к ее принципам стремление снизить остроту социального кризиса в Российской Федерации путем направления миграционных потоков экономически активного населения в столицу, где кризис переживался не так остро.

Следует напомнить, что в 1992—1993 гг. о его масштабах (даже в Москве) говорит тот факт, что, например, в середине 1992 г. только в 120-тысячном подмосковном Зеленограде от голода, только по официальным данным, скончалось 38 человек, которые «не вписались в рынок». А что в это время происходило в регионах?..

Миграционные процессы не могут не влиять на законодательную практику. Государство стремится направить их в более, как ему кажется, конструктивное русло и, в силу самой своей природы, стремится взять под контроль миграционные потоки, в чем встречает понимание большинства социума, тем более что имеется опыт, как стремительно неконтролируемые миграционные потоки могут содействовать дестабилизации обстановки.

Ситуация с миграцией в Москве в настоящее время

По переписи населения 2010 г. на территории нынешней Москвы проживало около 11,6 млн человек (92% из которых, согласно той же переписи, — русские). Согласно данным Федеральной миграционной службы России, в августе 2014 г. в Москве имели постоянную регистрацию 9,555 млн человек. В декабре 2014 г. таковых, согласно данным УФМС России по г. Москве, было 9 584 324, что превышало на 0,8% данные аналогичного периода прошлого 2013 г. (9 509 075).

В настоящее время, согласно данным УФМС России по г. Москве, неоднократно озвучиваемым на заседаниях Обще-

ственно-консультативного совета при УФМС и Научно-экспертного совета ОКС, в столице одновременно находится значительно больше 1 млн иностранцев (точное их число установить в настоящее время весьма затруднительно), что, как считается, составляет $\frac{1}{4}$ от всех иностранных граждан, находящихся в России. А в целом в Московском регионе сосредоточено около $\frac{1}{3}$ всех иностранных граждан. Для сравнения, во всем Татарстане одновременно находятся немногим более 60 тыс. иностранцев, и это при том, что в республике проживают более 4 млн человек, из которых 1,2 млн сосредоточено в Казани.

Так, согласно данным на декабрь 2014 г., на учете в УФМС состояло 1 427 419 иностранцев, что более на 97,5%, чем в декабре 2013 г. (722 819).

Из находящихся в столице иностранцев работают не менее миллиона. Но без нарушений миграционного законодательства из этого числа трудится меньше половины. Причем они нарушают закон, зачастую легально находясь в столице, но осуществляя свою трудовую деятельность с нарушением установленного порядка. И, согласно российскому законодательству, таковым может быть закрыт въезд в Российскую Федерацию на три года, а их работодатели — юридические лица будут оштрафованы на 1 млн рублей за каждого такого нелегального работника.

Такое количество людей неизбежно вносит свой негативный вклад как в эпидемиологическую обстановку в столице, так и в состояние преступности в городе.

Также имеются многочисленные проблемы и со здоровьем мигрантов, как внутренних, так и внешних, которым требуется уделять большее внимание, и это необходимо решать в комплексе с другими вопросами, учитывая при этом, что здоровье мигрантов тесно связано со здоровьем россиян, а зарубежная трудовая миграция в РФ осуществляется в

соответствии с российским законодательством в интересах россиян.

Согласно данным ЗИЦ ГУ МВД РФ по г. Москве, в августе 2014 г. иностранцами было совершено 5,8% от общего числа зарегистрированных преступлений (за аналогичный период 2013 г. — 6,92%). А процент от общего количества материалов, направленных в суд, составил в августе 2014 г. соответственно 20,26% против 21,2% в 2013 г. В декабре же 2014 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 9 806 преступлений, что составило 5,36% от общего числа зарегистрированных преступлений и 20,31% от общего количества материалов, направленных в суд. Следует отметить, что в целом иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено в 2014 г. на 14,6% преступлений меньше, чем в 2013 г.

И хотя налицо устойчивое общее снижение зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства по сравнению с аналогичными периодами 2013 г. (так, в августа 2013 г. снижение составило 14,7% — с 8 085 до 6 898), однако стоит отметить, что по тяжким и особо тяжким расследованным преступлениям их доля весьма велика и составляет 20—30%.

И это, естественно, беспокоит граждан, тем более что такие дела принято относить к категориям резонансных. Следует отметить, что повышенное внимание СМИ к такого рода событиям внесло весьма значительный вклад в формирование отрицательного образа и имиджа приезжих, причем не только из стран Центральной Азии и Закавказья, но и с Юга России — из северокавказских республик.

Поток миграции не мог не сказаться на общественных настроениях — начались конфликты, связанные с внешней и внутренней миграцией, использование этой темы различными политическими силами, будирование вопроса в СМИ

и в конечном итоге вывод миграционных проблем в область актуальной политики, использование их зачастую деструктивными центрами и элементами.

При этом российская экономика нуждается в рабочих руках, причем как квалифицированных, так и неквалифицированных. Есть проблемы и с демографией.

Многочисленные исследования наглядно демонстрировали, что необходимы изменения в миграционном законодательстве и в его правоприменительной практике. Среди них были и исследования Фонда развития международных связей «Добрососедство», осуществляемые на средства президентских грантов (при реализации этих проектов были использованы средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением президента РФ). Среди них комплексные социологические исследования «Миграционная ситуация в Москве и Московской области: реальность против мифологии» и «Русские в Москве и Московской области», материалы которых были активно использованы органами законодательной и исполнительной власти, в том числе и Федеральной миграционной службой.

В настоящее время изменения российского законодательства идут в соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной президентом РФ 13 июня 2012 г. Принимаются весьма жесткие, но, по мнению экспертов, необходимые меры, связанные с улучшением миграционной ситуации.

В настоящее время ужесточен режим пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, введены меры по защите российского рынка труда, иностранные граждане, работающие в нашей стране, обязаны с 2015 г. знать в рамках предложенных тестов основы русского языка, основы российского законодательства и истории,

а также должны при получении разрешения на работу (патента) пройти медицинское освидетельствование и получить полис добровольного медицинского страхования, а кроме того, они должны иметь обязательную регистрацию по месту жительства.

Проиллюстрирую эти утверждения фактами.

В целом более 1/3 млн иностранным гражданам за различные нарушения российского законодательства закрыт въезд на территорию РФ от трех до пяти лет. В Москве за восемь месяцев 2014 г. было вынесено 26 тыс. решений о выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства — в 2013 г. было 9,6 тыс. таких решений. Фактически же было выдворено 30 124 человека, а в 2013 г. — 9 505 человек — рост на 216,9%. Также было направлено 107 619 материалов на закрытие въезда в Россию иностранных граждан и лиц без гражданства, а в 2013 г. соответственно 23 751 — рост на 353,1%. Всего же в 2014 г. в Москве было фактически выдворено с территории страны 45 439 иностранных граждан и лиц без гражданства, что превышает данные 2013 г. (24 084) на 88,7%. Принимаемые меры привели к тому, что люди стали выходить «из тени».

За восемь месяцев 2014 г. было выдано 161 920 разрешений на работу (в 2013 г. — 156 076). Но стоит отметить, что было принято 554 159 материалов на оформлении патентов, а в 2013 г. — 152 957 — рост на 258%

Было получено за этот период 242 219 медицинских заключений от иностранных граждан, не требующих получения визы, а в 2013 г. — 117 325 — рост на 107%.

Если в конце 2012 г. в Москве на учете стояло 462 515 иностранных граждан, в конце 2013 г. — 722 819, то по итогам восьми месяцев 2014 г. — 919 089 (на аналогичный период 2013 г. соответственно 584 641), а в декабре 2014 г. — 1 427 419 — рост почти двукратный на 97,5%.

Стоит также отметить, что был облегчен прием в российское гражданство, в частности для являющихся носителями русского языка, а также для потомков выходцев с территории современной Российской Федерации. Кроме того, в связи с гражданской войной и потоком беженцев в Российскую Федерацию с Украины, в области миграционного законодательства были сделаны значительные послабления для граждан этой страны. Так, прежде всего, был облегчен режим их пребывания и трудоустройства на работу. Следует подчеркнуть, что предложения об этом звучали на заседаниях Общественно-консультативного совета при УФМС России по г. Москве.

С 2015 г.:

- въезд на территорию Российской Федерации будет осуществляться только по заграничному паспорту (кроме граждан Украины, относительно которых принято решение пока отсрочить эту меру);

- все желающие работать будут обязаны сдать тесты на знание русского языка, истории и законодательства России;

- будет ликвидирована справедливо критикуемая система квотирования рабочих мест, то есть для работы в России как у физических, так и у юридических лиц, ныне иностранному гражданину не надо будет получать разрешение на работу и трудиться только у тех юридических лиц, кто получил соответствующее разрешение на привлечение иностранных работников — теперь иностранному гражданину из постсоветских стран надо будет приобрести патент на право работать в Российской Федерации, для чего в течение 30 дней со дня въезда иностранному гражданину необходимо будет подать документы на оформление патента;

- иностранцы, чья трудовая деятельность связана с вождением транспортного средства, будут обязаны с 1 июня 2015 г. иметь права российского образца.

В настоящее время требуется указывать достоверность цели въезда. Если иностранец едет работать, то в миграционной карте необходимо прописывать в графе «цель въезда» — «работа».

В 2014 г. начало действовать правило «90 из 180», согласно которому иностранец, прибывший в безвизовом порядке в Россию и не приобретший патент на работу, может находиться в стране не более 90 дней с момента въезда в течение каждого периода в 180 дней.

Значительную роль сыграла борьба с «резиновыми квартирами» и повышение спроса с участковых милиционеров и управляющих компаний, привлекающих иностранную рабочую силу в сферы ЖКХ.

К работе по контролю миграции в столице стало активно привлекаться население. Благо, что для этого теперь имеется как законодательная база, так и актив. Так, в настоящее время в Москве на основании законодательства в рамках действующего Городского штаба Народной дружины г. Москвы (начальник генерал В.И. Семерда) создана специализированная народная дружина по соблюдению миграционного законодательства (руководитель Г.Г. Вовк). Создание этого подразделения было осуществлено по инициативе Общественно-консультативного совета при УФМС России по г. Москве. Также активно в этом направлении работает Московский городской совет общественных пунктов охраны порядка, который возглавляет Т.Л. Косаревич.

Со своей стороны и правительство принимает меры для защиты российского рынка труда, вводя ограничения на работу иностранных приезжих. Количество работающих на территории России мигрантов утверждается ежегодно постановлением правительства, которое регламентирует допустимый процент иностранных работников в той или иной сфере экономики в каждом субъекте РФ.

В 2015 г. Правительство России, как и прежде, планирует установить предельно допустимое количество иностранных рабочих в строительстве, сельском хозяйстве и на транспорте, расширив список видов экономической деятельности, которых коснутся ограничения по количеству занятых в них иностранцев. Если в прошлом году ограничения касались только розничной торговли, продажи алкогольных напитков, фармацевтических товаров и различной деятельности в области спорта, то сейчас предлагается этот перечень дополнить.

Одним из инициаторов соответствующего постановления выступило Министерство труда и социальной защиты. Как отметили в пресс-службе этого ведомства, установление допустимой доли иностранных работников будет способствовать приоритетному трудоустройству российских граждан в этих отраслях, защите национального рынка труда, а также стимулированию внутренней трудовой миграции

Согласно предложениям по квотам на мигрантов от различных ведомств в Министерстве сельского хозяйства предлагают ограничить занятость иностранных работников в сфере овощеводства — их количество не должно превышать 50% от общего числа сотрудников, используемых хозяйствующими субъектами. Путем установления такого ограничения в отдельных видах деятельности сельского хозяйства ведомство планирует поспособствовать снижению безработицы на селе, в том числе и молодежи.

В строительстве и на транспорте в правительстве предлагают установить лимит иностранцев в размере 50% общей численности работников этих сфер в субъекте. Обосновывается это также необходимостью повышения производительности труда и трудоустройства российских граждан, в том числе с переездом в другие субъекты России. Согласно данным Росстата, из числа выезжающих на поиски заработка граждан РФ 24% заняты в строительстве, а 12% переезжа-

ющих в другие города работают в сфере транспорта и связи, что является достаточно большим показателем. Предполагается, что за счет ограничения количества иностранцев этот процент будет увеличиваться.

Согласно предложениям Министерства промышленности и торговли, предлагается сохранить действующие нормы допустимой численности иностранных работников в сфере розничной торговли алкоголем и табаком (15% общей численности работников субъекта). Относительно торговли на рынках и вне магазинов ведомством предлагается сохранение показателя в 0% численности иностранных работников. Причиной запрета на работу иностранцев на рынках является сокращение количества розничных рынков и торговых мест и преобразование рынков в ярмарки и торговые центры. Согласно статистике Росстата, по состоянию на 1 июля 2014 г. количество торговых мест на рынках составило 403,5 тыс. по России. Для сравнения: аналогичный показатель на 1 июля 2013 г. составлял 471,1 тыс. мест.

В Министерстве спорта также предлагают оставить утвержденные в прошлом году допустимые 25% иностранных работников от общего числа сотрудников, осуществляющих различную деятельность в области спорта.

Какие же проблемы имеются в настоящее время, требующие своего разрешения, в том числе и на законодательном уровне?

Один из важнейших вопросов, требующих разрешения, это *охрана здоровья*.

Эпидемиологическая обстановка в немалой степени зависит от миграционных процессов. Она касается здоровья как россиян, так и приезжих. Для того чтобы уменьшить связанные с нею опасности, необходимо, наряду с введением всеобщей диспансеризации населения, осуществлять реальную предварительную проверку приезжающих для работы в РФ

иностранцев, формирование объединенного банка данных медицинских заключений, выданных иностранным гражданам, пребывающим на территории РФ.

Все иностранные работники, получающие патенты, теперь должны проходить медицинский осмотр, причем пройти предварительный осмотр и сдать соответствующие экспресс-анализы (туберкулез, ВИЧ, сифилис, лепра, гепатит) еще перед въездом в Россию. То же касается иностранных граждан из визовых стран, получающих разрешения на работу.

Теперь иностранцы, получающие патент, в соответствии с решением Государственной думы России от 1994 г. о введении обязательного полиса медицинского страхования для работающих у нас иностранных граждан, должны приобрести такой полис добровольного медицинского страхования.

Также не следует забывать и про *жилищный вопрос*, который связан как с контролем над миграционными процессами и криминогенной обстановкой, так и со здоровьем мигрантов. Ведь зачастую предприниматели, нанимая граждан из других российских регионов и иностранных государств, не обеспечивают их жильем, в связи с чем работники, кто в силу обстоятельств, а кто и из-за экономии, нередко живут в местах, не предназначенных для этого, что противоречит санитарно-эпидемиологическим требованиям. Но так как одними запретительными мерами проблему жилья для приезжих не решить, следует переоборудовать нефункционирующие промышленные и иные объекты под проживание приезжих из российских регионов и иностранных граждан на законных основаниях, оказать поддержку соответствующим структурам по их расселению. С целью стимулирования строительства общежитий для приезжих, по мнению ряда экспертов, возможно упростить законодательство, которое в настоящее время накладывает множество неоправданных ограничений

для создания общежитий гостиничного типа, что порождает дефицит легального, дешевого жилья.

Необходимо *расширение обучения потенциальных мигрантов русскому языку, а также востребованным специальностям на их родине*, в странах — «миграционных донорах».

Для этой цели, а также для подготовки требуемых российской экономикой специалистов, возможно *задействовать* создаваемую за пределами Российской Федерации при содействии Фонда развития международных связей «Добрососедство» *систему Выносных единых миграционных центров (ВЕМЦов)*, которая уже начала действовать в Таджикистане и Кыргызстане.

Требуется *продолжение серьезной экспертной и научной работы для изучения миграционных процессов*, в том числе и зарубежного опыта. Но необходимо изучать не только опыт зарубежных стран, в том числе и входящих в СНГ, в Таможенный и Евразийский союзы, но и историю. Например, при поддержке ОКС при УФМС России по г. Москве и Фонда «Добрососедство», который также ведет ряд исторических проектов, в том числе, например, «Неконфликтное прочтение истории», в Государственной публичной исторической библиотеке России прошла выставка, посвященная миграционным процессам, шедшим в 1920—1930-е гг., ведется предварительная работа по созданию Музея миграции.

Следует еще раз *подчеркнуть особую роль СМИ* в освещении миграционных процессов и связанных с нею проблем. Многие эксперты обращают внимание на то, что журналистам необходимо, уйдя от алармистских настроений, давать проверенную, корректную информацию, понимая, что иные предлагаемые лекарства могут быть хуже самой болезни, но при этом и ретуширование действительности может быть весьма опасно для социума.

Стоит отметить, что и Москва, и Россия в целом, несмотря на все сложности, на протяжении длительного времени остаются весьма привлекательными для иммигрантов. Это видно как из статистики их приезда, так и по данным социологических опросов,

Так, согласно данным исследования Фонда «Добрососедство» «Миграционная ситуация в Москве и Московской области: реальность против мифологем» (проведенного в 2011 г. с использованием средств государственной поддержки, выделенных Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением президента РФ), ответы иностранных рабочих из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана на вопрос «Если бы к Вам обратился молодой человек и спросил Вас, стоит ли ему уезжать за границу на заработки, посоветовали бы Вы ему ехать в Россию» распределились следующим образом:

	18—34 лет	35—49 лет	50 лет и старше	В целом
Да	79,4	61,6	65,0	72,9
Нет	8,7	10,1	2,5	8,6
Затрудняюсь ответить	11,8	26,8	32,5	18,1
Отказ		1,4		1,4

Большинство поддерживали выбор в пользу Москвы — 77,2%; сказали же, что не порекомендуют столицу — 9,9% респондентов. При этом больше всего негативных оценок Москва получала в ответах мигрантов из Узбекистана. Так, 18,6% не рекомендовали сюда приезжать, тогда как для Кыргызстана и Таджикистана этот показатель составил 4,6% и 6,4% соответственно. Более всего число недовольных, по сравнению с другими, оказалось в строительном секторе — 16,8% не посоветуют приезжать на заработки в Москву.

Стоит отметить, что значительная роль в принимаемых решениях в области миграционной политики принадлежит российской общественности, которая на многочисленных площадках с участием представителей органов законодательной и исполнительной власти обсуждает актуальные и даже иной раз болезненные вопросы, связанные с миграцией. Тем самым проблемы не загоняются вглубь и находятся оптимальные пути их решения.

В частности, большая роль в этом принадлежит Общественно-консультативным советам при региональных управлениях ФМС России и в том числе Общественно-консультативному совету при УФМС России по г. Москве (председатель Н.А. Алисов) и его комиссиям по направлениям деятельности, в том числе и Научно-экспертному совету ОКС (председатель — ректор МГЮА им. О.Е. Кутафина В.В. Блажеев, сопредседатель — директор Института проблем глобализации М.Г. Делягин, ученый секретарь — заведующий лабораторией изучения общественного мнения МГУ А.Т. Гаспаришвили).

Эти структуры ныне, при полной поддержке органов власти, наладили прочное взаимодействие как с научной общественностью, так и с диаспоральными организациями, землячествами, религиозными объединениями, вносящими огромный вклад в дело адаптации и интеграции приезжих в российский социум.

В настоящее время всеми признается, что порядок в миграционных процессах надо наводить с участием общественности, подключив все ресурсы социума, в том числе и интеллектуальные. На сегодня в Москве, как и в других российских регионах, механизм такого участия создан, что будет способствовать изменению российского миграционного законодательства в интересах российских граждан.

Трудовые мигранты в России: правовое регулирование и практика

Саурин С.А.

Правовой статус трудовых мигрантов в России регулируется Трудовым кодексом РФ и Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В рамках трудовых отношений и российские работники, и работники-мигранты пользуются одинаковыми правами и вправе рассчитывать на одни и те же гарантии (свобода труда, нормальная продолжительность рабочего времени, ежегодный оплачиваемый отпуск, дополнительная оплата за работу в ночное время, в выходные и праздники, сверхурочную работу и др.).

Основное различие в правовом статусе этих категорий работников проявляется при приеме их на работу: чтобы принять на работу мигранта, работодателю необходимо, помимо всего прочего, получить разрешение на привлечение к работе иностранных граждан, заключить договор с работником, работнику после этого по общему правилу необходимо на основании заключенного трудового договора получить разрешение на работу на территории Российской Федерации. Некоторые различия в правовом статусе российских работников и работников-мигрантов присутствуют также в части регулирования уплаты страховых взносов. Однако поскольку, согласно ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» №167-ФЗ, застрахованными являются не только постоянно и временно проживающие на территории России иностранные граждане, но и временно пребывающие в РФ мигранты, заключившие трудовой договор (договоры) на срок в общей сложности более шести месяцев в году или на неопределенный срок, эти различия на практике не играют решающей роли. В свою очередь,

необходимость оформления дополнительных документов при приеме на работу работника-мигранта имеет важное значение как с точки зрения работодателей, так и с точки зрения работников.

В 2013 г. Центром социально-трудовых прав (ЦСТП) было проведено исследование «Анализ практик трудовых отношений иностранных граждан (трудовых мигрантов) и их влияния на трансформацию трудовых отношений российских граждан». Данное исследование было посвящено изучению изменений в сфере трудовых отношений и тому, в какой мере они могут быть обусловлены присутствием трудовых мигрантов: как меняются системы найма, увольнения, стабильность рабочего места и функций, размер и система оплаты труда, режим труда и отдыха, условия труда и компенсации, дисциплина, применение социальных пакетов и т.п. Исследование включало социологический опрос трудовых мигрантов и российских работников, контактирующих с ними на рабочих местах (выборка включала 755 мигрантов и 755 россиян)^{*}, а также качественные исследования (четыре фокус-группы с российскими и иностранными работниками, экспертные интервью с работодателями, профсоюзными лидерами и правозащитниками, а также глубинные полуструктурированные интервью с российскими работниками, сталкивающимися с мигрантами, и с самими мигрантами — свыше полусотни интервью)^{**}. Большая часть опрошенных мигрантов — приезжие из Средней Азии, в том числе 36,6% — граждане Узбекистана, 25,0% — Таджикистана, 8,9% — Кыргызстана, 10,3% респондентов — из

^{*} Опрос проводился «Левада-Центром» в мае-июне 2013 г. по методике, подготовленной ЦЭПРИ и ЦСТП, в 22 регионах России.

^{**} Качественные исследования проводились в Санкт-Петербурге/Ленинградской области, Москве, Астраханской и Самарской областях. Особое внимание уделялось предприятиям следующих видов экономической деятельности: жилищно-коммунальное хозяйство, торговля, строительство, обрабатывающие производства, пищевая промышленность, в том числе: Санкт-Петербурге/Ленинградской области — ЖКХ/строительство; Москва/Московская область — ЖКХ/торговля; Астраханская область — пищевая промышленность/строительство; Самарская область — обрабатывающие производства/торговля.

Украины, 6,9% — Азербайджана, 5,2% — Армении и 4,9% — из Молдовы, граждане других государств — 2,8% опрошенных*. Основная часть мигрантов — выходцы из городов (в т.ч. 14,6% — приехали из столиц), из сельской местности прибыли лишь 27% мигрантов.

По итогам проведенного исследования можно заключить, что в действительности правовое положение трудовых мигрантов определяется не только и не столько законодательным регулированием, сколько сложившимися на практике социальными отношениями. Дело в том, что более 70% опрошенных мигрантов заявили, что не готовы отстаивать свои права, то есть предпринимать что-либо в случае нарушений со стороны работодателей. Около половины опрошенных мигрантов думают, что их трудовые права никогда не нарушались, причем эти же люди (64% опрошенных) на вопрос «Задерживали ли Вам заработную плату?» уверенно отвечали «да». Из ответов респондентов следует, что существенной разницы в размерах окладов мигрантов и российских работников в настоящее время нет, однако труду мигрантов повсеместно свойственна большая продолжительность рабочего времени (т.е. за единицу времени иностранный работник получает меньше), а 18% опрошенных мигрантов работают вовсе без выходных (среди российских работников без выходных работают около 7%). Значительно чаще мигранты соглашались работать дополнительно под угрозой невыплаты зарплаты (20,5% мигрантов против 13,1% россиян) и под угрозой немедленного увольнения (21,1% мигрантов против 13,1% россиян).

Почти половина опрошенных мигрантов работают нелегально — не имея разрешающих документов на занятие трудовой деятельностью и/или на пребывание/проживание на территории России. Использование труда нелегальных мигрантов

* Граждане Беларуси и Казахстана не опрашивались, так как им для устройства на работу в России не нужно дополнительных документов.

имеет для работодателей определенные достоинства и недостатки. Главными плюсами приема на работу нелегалов является уход от налогов и отсутствие необходимости проходить непростые процедуры оформления работников-иностранцев. Кроме того, как это ни парадоксально, использование труда нелегальных мигрантов иногда позволяет работодателю избежать проблем с Федеральной миграционной службой, так как на практике вывод из тени работников провоцирует интерес миграционной службы к деятельности организации. Еще одно преимущество привлечения нелегального работника состоит в том, что его легче контролировать, поскольку он прекрасно осознает свое уязвимое положение. Наконец, труд нелегального иностранного работника можно оплатить не полностью или не оплачивать вовсе и таким образом сэкономить не только на налогах, но и на заработной плате.

Проведенные опросы и интервью показывают, что трудовые мигранты в России чрезвычайно лояльно относятся к нарушениям их прав. Это привело к тому, что на российском рынке рабочих мест четко сформировались две категории. С одной стороны, это хорошо оплачиваемые рабочие места, требующие от работников высокой квалификации. На эти рабочие места работодатели стараются подыскать наиболее «качественных» работников и готовы не экономить на соблюдении их прав и создании для них достойных условий труда и оплаты. В ходе поиска подходящих кандидатур на такие рабочие места работодатель, как правило, не делает разницы между местными и приезжими, между российскими работниками и работниками-мигрантами. Значимым фактором в этом случае являются только деловые качества работника, поэтому, в условиях ограниченного количества квалифицированных специалистов на рынке труда в целом и среди приезжающих в Россию мигрантов в частности, конкуренции между иностранными и российскими работниками за такие рабочие места не возникает.

С другой стороны, это рабочие места, не требующие высокой квалификации и, как правило, низкооплачиваемые. Обычно в задачу работодателя, создающего такие рабочие места, не входит достижение высоких стандартов качества производимых работ или оказываемых услуг — задача скорее заключается в том, чтобы работы (услуги) производились с наименьшими затратами. Подыскивая кандидатов на такие рабочие места, работодатели ценят не столько деловые качества, сколько лояльность работника, готовность работать больше за меньшую оплату и терпеть экономии работодателей на обеспечении достойных условий труда. Наличие тех или иных нарушений прав работников на рабочих местах такого типа скорее правило, чем исключение, и, учитывая приведенную выше статистику об отношении иностранных работников к защите своих трудовых прав, есть основания утверждать, что в известном смысле мигранты выигрывают конкуренцию за некачественные рабочие места. Мигранты, приезжающие в Российскую Федерацию, обычно плохо информированы о своих трудовых правах, не собираются их защищать и готовы брать за любую работу.

Таким образом, во второй категории рабочих мест на практике действительно существует конкуренция за рабочие места между российскими и иностранными работниками, причем конкурентные преимущества каждой из этих групп никак не связано с позитивными качествами их как работников. Преимущества каждой из этих групп связываются работодателями с основным различием в их правовых статусах, упомянутым выше. Так, мигранты более лояльны, но для их приема на работу нужно оформлять дополнительные документы. Российские работники могут быть приняты на работу без дополнительных документов, но при этом вряд ли будут мириться с нарушениями их прав. В результате складывается ситуация, когда работодатели в «белом» секторе экономики стоят перед

дилеммой, каких работников лучше принять на работу, а недобросовестные работодатели принимают на работу мигрантов, не оформляя с ними отношения документально.

Следует упомянуть еще одну тенденцию: принимая мигрантов на рабочие места «низкого качества», работодатели, пользуясь лояльностью иностранных работников, не только заставляют их работать больше и в худших условиях, но и, как правило, пытаются аналогичным образом снизить стандарты труда для российских работников, работающих на таких же рабочих местах. Происходит «мигрантизация» трудовых отношений в рамках категории рабочих мест, не требующих высокой квалификации работников. Для мигрантского труда формируется своя ниша — сферы занятости и производства, характеризующиеся плохими условиями и режимом труда, низкооплачиваемые и не предлагающие высокие требования к качеству рабочей силы. Рабочие места, которые занимают мигранты, качественно хуже занимаемых россиянами; уже сейчас структуры рабочих мест иностранцев и российских граждан существенно разнятся. Эта тенденция опасна не только тем, что характеризуется массовым нарушением трудовых прав мигрантов, но и тем, что влечет общее снижение качества трудовых отношений в России.

Представляется, что в целях недопущения дальнейшей эрозии трудовых отношений и роста количества нарушений трудовых прав работников в Российской Федерации необходимо ввести такое правовое регулирование, которое, с одной стороны, максимально приблизило бы статус иностранного работника к статусу российского работника, а с другой — через деятельность контролирующих органов обеспечило бы соблюдение прав, в том числе тех иностранных работников, которые сами не пытаются защитить свои права.

Сведения об авторах

Ахмедьянова Дана Кабидуллаевна — заведующая кафедрой международных отношений Евразийского национального университета (ЕНУ) им. Л.Н. Гумилева (г. Астана)

Каримов Ренат Исмагилович — председатель Центрального комитета Профсоюза трудящихся-мигрантов (г. Москва)

Кушкумбаева Азина Жумабаевна — докторант PhD Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби (г. Алматы)

Линке, Петер — независимый эксперт (г. Берлин)

Московский Юрий Викторович — директор проектов Фонда развития международных связей «Добрососедство», ответственный секретарь, член Общественно-консультативного совета при Управлении Федеральной миграционной службы России по г. Москве

Мурзакулова Асель Джапаркуловна — доцент Бишкекского гуманитарного университета (БГУ) им. К. Карасаева (г. Бишкек)

Олимова Саодат Кузиевна — директор Научно-исследовательского центра «ШАРК» (г. Душанбе)

Садовская Елена Юрьевна — эксперт Исследовательского совета по миграции стран СНГ при Центре миграционных исследований Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, президент Конфликтологического центра (г. Алматы)

Саинов Серик Саинович — начальник Департамента миграционной полиции Министерства внутренних дел Республики Казахстан

Саурин Сергей Александрович — руководитель юридического направления АНО «Центр социально-трудовых прав», консультант-эксперт Общественной палаты Российской Федерации (г. Москва)

Фарни, Тина — руководитель Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Москве

Черных Ирина Александровна — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан

Юлдашева Гули Исматуллаевна — независимый эксперт (г. Ташкент)

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта сегіз ғылым докторы, сегіз ғылым кандидаттары, саясаттану, тарих, экономика, әлеуметтану салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ өзінің 20 жылдық қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 250-ден астам кітап басып шығарған. Институт үш мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде).

Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды. ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ,

орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған. Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, АҚШ-тың, Германияның, Жапонияның, Иранның, Қытайдың, Пәкістанның, Ресейдің, Түркияның, Үндістанның, Францияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған. ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 010000, Астана,

Бейбітшілік көшесі, 4

Тел.: +7 (7172) 75-20-20

Факс: +7 (7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

Информация о Казахском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают восемь докторов наук, восемь кандидатов наук, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За 20 лет деятельности в институте было издано более 250 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов.

Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и уче-

ные из Германии, Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Японии и др.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников. Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000, Астана,
ул. Бейбитшилик, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

Роза Люксембург Қорының Мәскеу қаласындағы бөлімшесі туралы ақпарат

Роза Люксембург Қоры (www.rosalux.de) Бундестаг партияларына жақын алты неміс қорларының бірі ретінде Германия Федеративті Республикасындағы азаматтық қоғамдағы ағартушылық жұмысты жүргізетін орган және де негізінен қоғамдық маңызды мақсаттарды көздеген. Ол өзін демократиялық социализмнің рухани ағымының құрамдас бөлігі ретінде таниды және Солшыл партияға (Die Linke) қосылады, бірақ өзі бетінше әрекет етеді.

Роза Люксембург Қоры

- азаматтық ағарту шараларын ұйымдастырады, заманауи жаһанданған, әділетсіз және жаугершілік әлемдегі қоғамдық үрдістер туралы білім таратумен айналысады;

- заманауи капитализмге сыни талдаудың және әрекеттегі үлгілерге баламаларға қатысты бағдарламалық пікіралмасулардың орталығы болып саналады;

- Германия Федеративті Республикасында және одан тыс аймақтарда әлеуметтік қозғалыстар мен ұйымдар, интеллектуалдық және үкіметтік емес ұйымдар арасындағы пікіралмасуларға қажетті форум қызметін атқарады;

- шәкіртақылық бағдарламалар арқылы жас интеллектуалдарға қолдау көрсетеді;

- өзін-өзі танытуға талпынған саяси әрекеттерге импульс береді және бейбітшілік пен өзара түсіністік, әлеуметтік әділеттілік пен ынтымақтастылықты жақтаушыларды қолдайды.

Қазіргі таңда Қордың төрт құрлықта 18 шетелдік өкілеттіліктері мен филиалдары бар.

Информация о Филиале Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Москве

Фонд Розы Люксембург (www.rosalux.de) является одним из шести немецких фондов, близких к партиям Бундестага, и принадлежит к важным носителям просветительско-образовательной работы в гражданском обществе Федеративной Республики Германия, преследуя исключительно и непосредственно общественно-полезные цели. Он понимает себя как часть духовного течения демократического социализма и примыкает к Левой партии (Die Linke), но действует самостоятельно.

Фонд Розы Люксембург

- организует мероприятия гражданского просвещения, распространяет знания об общественных процессах в глобализованном, несправедливом и воинственном мире;

- является местом критического анализа современного капитализма и центром программной дискуссии об альтернативах действующим моделям;

- представляет собой в Федеративной Республике Германия и за ее пределами форум для диалога между социальными движениями и организациями, интеллектуалами и неправительственными организациями;

- поощряет молодых интеллектуалов через стипендиальные программы;

- придает импульсы для самоопределяющихся политических действий и поддерживает выступления за мир и взаимопонимание, социальную справедливость и солидарность.

В настоящее время Фонд имеет 18 зарубежных представительств и филиалов на четырех континентах.

Научное издание

Материалы
Международной научно-практической конференции

**«МИГРАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕНЯЮЩЕЙСЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
СОЦИАЛЬНОЕ И ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЯ»**

Редактор-корректор **Н.И. Шестакова**
Дизайн обложки **Б.Л. Леспек**
Верстка **Е.В. Тушкова**

Подписано в печать 05.05.2015 Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 8,25
Тираж 500

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, Астана, ул. Бейбитшилик, 4

Отпечатано в типографии **ОО «КРОИВА»**
г. Алматы